

ДАЙНА ДЖЕФФРИС

Дочь
торговца
шелком

Война, тайна
и невозможный выбор:
сестра или возлюбленный?

Dinahjefferies.com

Колоритная, историчная, атмосферная, богатая
сюжетными изломами и поворотами, роскошная книга.

Sunday Express

Дайна Джеффрис
Дочь торговца шелком

«Азбука-Аттикус»

2016

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Джеффрис Д.

Дочь торговца шелком / Д. Джеффрис — «Азбука-Аттикус»,
2016

ISBN 978-5-389-20502-4

Николь – наполовину француженка, наполовину вьетнамка, дочь торговца шелком, живущего в Ханое накануне краха французского господства в Индокитае. Ее отец оставляет семейное предприятие старшей дочери Сильвии, младшая же – легкомысленное создание, по мнению родных, – по достижении совершеннолетия получит только старый магазин. С детства Николь убеждена, что сестра презирает ее за азиатские черты лица; таких полукровок, как она, в городе осыпают насмешками и бранью. Когда ей кажется, что она встретила свою любовь, старшая сестра вдруг переходит ей дорогу... Николь узнает правду о том, кем же на самом деле является ее избранник, и понимает, что отныне ее жизнь расколота надвое. Чувствуя себя отверженной и отвергнутой, она бежит на север страны, чтобы вступить в Сопротивление... Впервые на русском языке!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-20502-4

© Джеффрис Д., 2016
© Азбука-Аттикус, 2016

Содержание

Пролог	9
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	13
Глава 3	17
Глава 4	21
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	33
Глава 8	37
Глава 9	41
Глава 10	45
Глава 11	51
Часть вторая	54
Глава 12	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Дайна Джеффрис

Дочь торговца шелком

Dinah Jefferies
THE SILK MERCHANT'S DAUGHTER

Original English language edition first published by Penguin Books Ltd, London
Copyright © Dinah Jefferies 2016
The author has asserted her moral rights
All rights reserved

© Ю. Д. Белолопатко, перевод, 2021
© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2021
Издательство Иностранка®

Хронология истории Вьетнама

1787

Начало французской экспансии во Вьетнаме. Благодаря Версальскому договору создан альянс между королем Франции Луи XVI и вьетнамским князем Нгуен Фук Анем.

1840–1890

Французская колонизация Индокитая (Вьетнам, Камбоджа и Лаос). Франция разделяет Вьетнам на три территории: Тонкин, Аннам и Кохинхина.

1927–1930

На севере возникают два коммунистических объединения, которые оказывают сопротивление Франции и находятся в опале.

1940

Во время Второй мировой войны Япония вторгается во Вьетнам и оккупирует его территории, продлив еще на некоторое время власть французского колониального правительства.

1941–1944

Хо Ши Мином, который выступил лидером антияпонского сопротивления, создается Вьетминь – Лига Независимости Вьетнама.

1945

Японцы на короткое время забирают у французов бразды правления. После капитуляции Франции Вьетминь под руководством Хо Ши Мина становится во главе страны (также на короткое время). Войска Великобритании и США помогают Франции восстановить колониальное правление.

1946

Сопrotивление Вьетминя. Порт Хайфон подвергся обстрелу французскими отрядами. Начало Первой Индокитайской войны (известной также как Французская война).

1946–1954

Во время Индокитайской войны Китай и СССР поддерживают Хо Ши Мина, в то время как США выступают на стороне Франции, желая пресечь распространение коммунизма.

1954

С помощью народного фронта войска Вьетминя окружили удаленный военный аванпост французов в городке Дьенбьенфу. Двенадцать тысяч французских военнослужащих оказались в ловушке. Капитуляция Франции. Подписан Женевский мирный договор, разделивший Вьетнам на Север и Юг. Через два года назначены национальные выборы.

1955–1956

С поддержкой США Нго Динь Зьем объявляет себя президентом Южного Вьетнама, отказавшись проводить всенародные выборы.

1957–1959

Из Северного Вьетнама на юг везут оружие и солдат. Начало коммунистической экспансии на юг.

1960

Сформирован Вьетконг, или Национальный фронт освобождения, чтобы дать отпор США на юге.

1964

Патрульный катер Северного Вьетнама атакует эсминец США¹.

¹ Имеется в виду инцидент 2 августа 1964 года, когда три северовьетнамских торпедных катера атаковали в Тонкинском заливе американский эсминец «Мэддокс»; после перестрелки между ними в бой вступило звено американских палубных истребителей с авианосца «Тикондерога». В итоге эпизод способствовал вводу войск США во Вьетнам. – *Здесь и далее примеч.*

1965

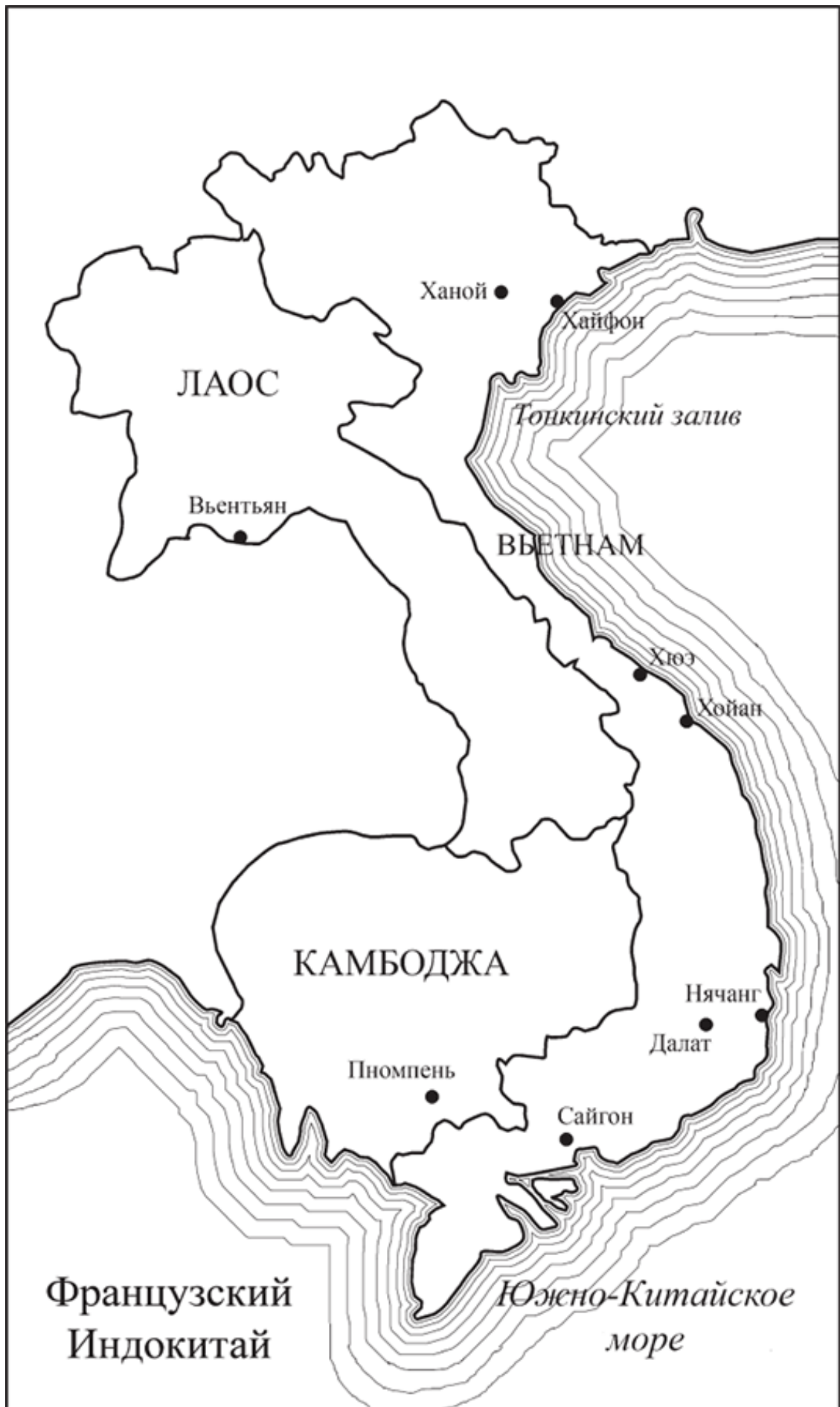
Во Вьетнам прибыли войска США. Начало войны с США. За тот период США сбросили большее количество бомб, чем за всю Вторую мировую войну.

1973

Вывод войск США из Вьетнама после того, как Никсон и Киссинджер подписали мирный договор в Париже, но на юге продолжают боевые действия.

1975

Коммунисты захватили Сайгон. Эвакуация последних граждан США. Вьетнам объединился под правлением коммунистов, а Сайгон переименован в Хошимин.

Пролог

Она под водой. Ее движения беспорядочны, неуклюжи, медлительны. Длинные волосы вихрем закручиваются над головой. Околдованная золотистым светом, проникающим сквозь толщу воды, она отталкивается ногами и всем телом делает рывок наверх, следуя за пузырьками воздуха от дыхания, которые устремляются к поверхности. Плоский диск солнца раскалывается, разбрасывая повсюду сверкающие осколки. Она запрокидывает голову, хватая ртом воздух. Видит лицо сестры. Проходят секунды. Ошарашенная размытостью этого мира, она поднимает руку, чтобы махнуть. Хочется закричать. Но вода снова накрывает ее с головой. Она барахтается в реке среди оглушительного рева, который эхом разносится по сторонам. Нужно звать на помощь, но она не в силах издать ни звука. Отчаянно хочет глотнуть воздуха, но она знает, что ничего не получится. Пытается плыть и полностью лишается сил. Сияние солнца над головой меркнет. Она тонет. Все ниже и ниже погружается в темную холодную реку, и чем меньше света остается, тем стремительней движение вниз. Она пытается развернуться, поплыть вверх, словно взбираясь по водяной лестнице, но поток слишком мощный, и ноги проваливаются в пустоту. Перед мысленным взором проносятся воспоминания о доме. Тело наливается тяжестью, река лишает ее всякого желания бороться. Ей кажется, будто она парит. Но нет, она не парит, она тонет.

Часть первая

Нити шелка

Май – начало июля 1952 года

Глава 1

Ханой, Вьетнам

Николь вдохнула головокружительный аромат: дикая гортензия, свежая зеленая листва и сладковатые цветки кустарника, что ковром стелется по тенистой стороне сада. Выглянув из окна своей спальни, девушка увидела внизу отца – он проверял, чтобы все во дворе было идеально. Мужчиной он был красивым, с аккуратно подстриженными темными волосами, посеребрёнными сединой, что придавало ему больше солидности. Николь раздражало, что ее восемнадцатый день рождения стал лишь предлогом похвастаться садом, однако она не могла отрицать, что отец все великолепно организовал. Возле французских окон, на фоне медово-желтых стен виллы вился дымок от благовоний, в прудах отражались яркие гирлянды из бумажных фонариков, которые свисали с двух огромных деревьев плюмерии.

Николь бросила последний взгляд в зеркало и задумалась. Стоит ли приколоть цветок фуксии над ухом, среди черных волос? Сегодня он бы отлично подошел к платью с воротничком-стойкой, которое она подготовила к этому дню. Наряд облегал стройную девичью фигуру, как вторая кожа, а юбки трепетали с каждым движением. По радио запела Эдит Пиаф – «Hymne à l'amour»². Николь снова выглянула из окна и, увидев свою сестру Сильвию, которая теперь шла рядом с отцом, передумала насчет цветка. Те двое, как обычно, о чем-то шептались, склонив друг к другу головы. На секунду Николь вдруг стало одиноко, но она быстро прогнала ревность. Пора уже привыкнуть, что сестра с самого утреннего пробуждения выглядит прекрасно. Волнистые каштановые волосы, высокие скулы, словно высеченные из мрамора, идеальный нос. Высоким ростом и стройным телосложением Сильвия пошла в отца, Николь же унаследовала вьетнамскую внешность их давно почившей матери и стеснялась желтоватого цвета кожи. Стряхнув сомнения, девушка расправила плечи и вышла из спальни. Нет, она не позволит испортить свой день рождения.

Николь прошла через просторную комнату с высоким потолком, которая вела в сад. Натертые до блеска медные лопасти двух вентиляторов рассекали воздух, наполняя помещение прохладой. Эта гостиная, как и прочий дом, обладала элегантностью, кругом стояли изящные антикварные вещицы. Девушка остановилась в дверном проеме, приметив в углу сада парочку своих прежних школьных подруг, Хелену и Франсин; девушки то и дело теребили волосы. Когда Николь подошла, те расцеловали ее. Они немного поболтали о парнях и прошедших экзаменах, а сад тем временем наполнялся новыми гостями. Наконец Николь нашла предложение покинуть их компанию. Прибыли французские гости; они курили сигары и потягивали напитки, расхаживая среди одетых в шелка богачей-вьетнамцев. К Сильвии подошел высокий широкоплечий мужчина в светлом льняном костюме, и Николь на миг замерла при виде его. Потом пригладила волосы, расправила плечи и двинулась вперед.

Сильвия улыбнулась незнакомцу, коснувшись его руки:

² «Гимн любви» (фр.).

– Позволь представить, это моя сестра Николь.

Мужчина протянул руку:

– Я – Марк Дженсон. Наслышан о вас.

Николь пожала незнакомцу ладонь и посмотрела ему в лицо, однако взгляд ярких голубых глаз смутил ее, и она поспешила отвернуться.

– Марк приехал из Нью-Йорка. Мы познакомились, когда я там жила, – сказала Сильвия. – Он путешествует по всему миру.

– Значит, сегодня ваш день рождения? – с улыбкой спросил Марк у Николь.

Та сглотнула, стараясь выдавить из себя хоть слово, но, к счастью, в разговор вмешалась Сильвия.

– Мне нужно кое с кем перемолвиться словечком. – Она махнула рукой невысокой женщине на противоположной стороне сада, потом повернулась к Марку и, хихикнув, тронула его за руку. – Я ненадолго. Николь за тобой присмотрит.

Марк вежливо улыбнулся. На секунду у Николь сбилось дыхание, словно весь воздух куда-то исчез. Она переступила с ноги на ногу, потом, стараясь не моргать так часто, взглянула на мужчину. У него были глаза цвета сапфира, яркость которых подчеркивал глубокий загар.

– Итак... – наконец сказала она.

Незнакомец молчал, разглядывая ее.

Николь смущенно коснулась ладонью подбородка. Может, у нее что-то на лице?

– Я не ожидал, что вы окажетесь такой красавицей, – сказал он.

– Ах... – смутилась она. – Уверена, это не так.

Но что же он тогда ожидал и почему вообще об этом думал?

– Сильвия рассказывала о вас, когда мы были в Штатах.

Клубок мыслей постепенно распутывался. Конечно же, о ней говорила Сильвия. Что еще можно делать вдали от дома, если не рассказывать о семье?

– Тогда вы, должно быть, знаете, что я черная овечка, – улыбнулась Николь.

Марк откинул прядь волос, упавшую ему на лицо.

– Сразу вспоминаются огонь и шатер.

– Боже, нет! – Оценив тонкую шутку, Николь прикрыла рот ладонью. – Неужели она это рассказала?

Марк рассмеялся.

– Мне было тринадцать, все произошло случайно. Однако нечестно, что вам столько обо мне всего рассказали, а я про вас ничего не знаю.

Николь словно пробила молния. Марк протянул руку к ней, будто тоже это ощутил, но оказалось, он просто направлял ее:

– Давайте возьмем шампанского, а потом вы все мне здесь покажете. Я поведаю вам все, что вы пожелаете узнать.

Пока они прогуливались по саду, напряжение, которое Николь ощутила при знакомстве, чуть ослабло. Правда, при своем росте в метр шестьдесят рядом с Марком она казалась крохотной и сокрушалась об отсутствии каблуков.

К ним подошел официант в белом костюме. Марк взял с подноса два бокала шампанского и передал оба Николь.

– Не против, если я закурю?

– Непохоже, что вы из Нью-Йорка. – Она покачала головой.

Марк достал пачку сигарет «Честерфилд», закурил и протянул руку к бокалу. Их пальцы соприкоснулись, и по коже Николь пробежал ток.

– Так и есть. У моего отца небольшая молочная ферма в штате Мэн. Я вырос там.

– Что вынудило вас уехать?

Марк не шелохнулся.

– Жажда приключений, наверное. После смерти мамы отец старался сохранить семью, но все изменилось.

Сам тон его голоса стал другим, и Николь уловила за его словами грусть.

– Моя мама тоже умерла.

– Сильвия говорила об этом, – кивнул Марк.

На мгновение воцарилась тишина.

Марк снова вздохнул и улыбнулся, будто что-то вспомнил.

– Я занимался обычными для сельской жизни делами – рыболовством, охотой, – но питал страсть к мотоциклам. Гонкам по бездорожью. Чем опаснее трек, тем привлекательнее для меня.

– Вам не случилось покалечиться?

Марк засмеялся:

– Множество раз! Но ничего серьезного. Перелом лодыжки и пара трещин в ребрах.

Николь стояла так близко к Марку, что чувствовала согревающий, пряный аромат его кожи. Присутствие этого мужчины отчего-то наполняло ее радостью. Взволнованная, Николь отвернулась и посмотрела на звездное небо, прислушалась к стрекотанию цикад и шелесту ветвей, занятых ночными птицами. Марк отступил на шаг, и Николь окинула его оценивающим взглядом – с таким ростом он напоминал непринужденных американцев из фильмов, чья походка излучала уверенность и беззаботность.

– Говорят, что май – последний месяц весны в Ханое, но сегодня такой теплый вечер, что кажется, будто уже лето. Не хотите зайти внутрь? – спросила Николь.

– В такую-то ночь?

От эйфории у Николь закружилась голова. Девушка засмеялась. На коротко стриженные, чуть волнистые русые волосы Марка падал золотой свет. Кто-то зажег факелы, и блики от пламени теперь скользили по его лицу и волосам.

– Где вы остановились?

– В отеле «Метрополь», на бульваре Анри-Ривьер.

Но тут пришла Сильвия и увела Марка прочь.

Николь мгновенно ощутила его отсутствие, и, несмотря на оживление кругом, для нее сад вдруг опустел. Она вспомнила одну из любимых поговорок их кухарки Лизы: «*Có công mài sá có ngày nên kim*» – «Если достаточно долго полировать кусок железа, можно сделать иглу». Лиза была француженкой, но довольно хорошо говорила по-вьетнамски, чтобы, к примеру, ходить на рынок или с гордостью цитировать вьетнамские пословицы. Николь подумала, что и ей самой не помешает полировка. Зазвучала живая музыка, приглашая всех танцевать всю ночь напролет.

Глава 2

Утром Николь спустилась к лабиринту комнат на первом этаже, проследовала по длинному коридору, ведущему от лестницы, и толкнула дверь на кухню. Окинула взглядом стены, отделанные белой плиткой, похожей на кирпичики, и натертые медные кастрюли, развешанные на металлической стойке в центре. Новые жалюзи зеленого цвета создавали ощущение прохлады. Четыре огромные свежавыкрашенные арки делили помещение на части.

В кресле возле дверей оранжереи уютно устроилась кухарка, любящая своими драгоценными овощными грядками. Николь знала Лизу столько же, сколько и себя. Выглядела кухарка в свои сорок с хвостиком так, как и многие другие женщины ее рода деятельности, – с полноватой фигурой, непослушными седыми волосами, собранными на макушке в пучок, с красными от мытья посуды руками. Поставив ноги на низкую табуретку, она рылась в кармане фартука в поисках первой за день сигареты. Заботили Лизу лишь кролики, ящерицы и птицы, а еще чтобы в июле доставили в целости и сохранности лонган³, который она консервировала.

– Налей себе кофе.

Николь кивнула, налила в огромную кружку горячего кофе и села в кресло напротив кухарки.

– Как раз то, что мне сейчас нужно.

– Похмелье?

– Наверное.

– Прошлым вечером я видела тебя в компании одного интересного мужчины.

– Какого именно?

Николь пыталась скрыть улыбку, но знала, что от Лизы ничего не утаишь.

– Значит, он тебе симпатичен?

– Я чувствовала себя восхитительно, – засмеялась Николь. – Возможно, все это глупости, но я словно встретила человека, способного перевернуть всю мою жизнь.

– Он красавчик, – ответила с улыбкой Лиза. – Рада за тебя, *chérie*⁴. Вы танцевали?

– С ним я не танцевала. Он пришел ненадолго.

Николь не могла выразить словами то, что произошло в ее душе. Вся прежняя неловкость улетучилась. Мимолетная встреча с Марком сильно на нее повлияла. Казалось, это начало чего-то совершенно нового.

– Чем он занимается?

– Я не спросила. – Николь улыбнулась и поднялась на ноги. – Он американец.

– Друг Сильвии?

Из комнаты экономки в дальнем конце коридора донесся шум, и Николь состроила рожицу.

– Беттин здесь?

Лиза кивнула. Они с Беттин работали вместе много лет, но еще стоило поискать двух таких разных людей. Если Лиза отличалась полноватой фигурой, то Беттин была худой и прямой как палка. Уютная спальня и смежная с кухней небольшая гостиная всегда становились предметом спора двух женщин. Экономка занимала комнаты в другой части дома. Судомойня и прачечная считались владениями горничной Полин, а в отдельную комнату для готовки иногда приходила помощница, если это требовалось Лизе.

³ Лонган – азиатский фрукт, родственник лайма и личи.

⁴ Дорогая (*фр.*).

Николь открыла дверь в оранжерею и, вдохнув густой майский воздух, смешанный с ароматом влажной земли, прислушалась к стуку *sucroousse*⁵, подъехавшего к задней части дома. Девушка закуталась в шелковый халат, взглянула на раннюю желтую хурму, лежавшую на траве – на том самом месте, где, как утверждала Сильвия, раньше было захоронение, – и посмотрела на Иветту, дочь пекаря. Та споро выбралась из велорикши, и на ветру затрепетали ленточки, вплетенные в ее темно-русые косички.

До носа Николь долетел аромат свежих булочек бриошь.

Она поманила девочку за собой на кухню и, выдвинув два стула, села за потертый сосновый стол. Лиза приготовила тарелочки для двух *rains au chocolat*⁶ для Николь и мягкого белого хлеба, намазанного маслом и медом, – для Иветты.

Иветте исполнилось всего десять, но именно она обычно привозила по субботам их любимые кондитерские изделия: тарты с кремом-англез, свежие буханки хлеба, который моментально съедали с джемом, бриошь для завтрака, круассаны и булочки с шоколадом. Мать девочки была вьетнамкой и погибла во время войны от рук японцев. Ив, как мог, заботился о дочери, стараясь быть для нее и отцом, и матерью. Николь обожала Иветту.

Поджав под себя ноги, Николь взглянула на щенка девочки. Трофей уже обнюхивал все кругом, потом молнией вскочил на стул.

– Плохой песик.

Иветта погрозила кулаком, но слишком поздно – щенок успел стянуть круассан и скрылся под столом, чтобы там проглотить свою добычу.

Николь засмеялась:

– Он такой милый.

– Жаль, что я еще маленькая и не смогла прийти на вашу вечеринку. Были танцы?

– Ближе к ночи, но вечер выдался таким прекрасным, что никто не хотел заходить в дом.

Лиза взглянула на часы. Иветте не полагалось завтракать в доме, но они втроем уже привыкли к этим утренним посиделкам.

– Наверное, тебе пора, – сказала Лиза и посмотрела вверх.

Николь хотела возразить, но Иветта спрыгнула со стула. Возле ее ног залаял Трофей.

– Тише, или разбудишь весь дом. – Иветта подняла щенка, и тот моментально облизнул ей лицо.

Девочка выпорхнула из дома через оранжерею, где висел пряный имбирный аромат, а растения Лизы напоминали тростниковые заросли.

Как только Иветта ушла, Николь поцеловала кухарку в щеку.

– Не могу поверить, что тебе восемнадцать, моя милая девочка. – Кухарка засопела носом. – А ведь кажется, только вчера...

– Не раскисай, – улыбнулась Николь. – У меня впереди важные дела.

– Например?

– Начну с планирования своей жизни.

– А тот американский паренек, на которого ты положила глаз, имеет отношение к твоим планам?

– Не знаю, когда мы вновь увидимся.

Николь замерла на месте, потрясенная тем, что понятия не имеет, сколько Марк пробудет в Ханое. Но она надеялась, что Париж Востока, как окрестили этот влажный город французы, его очарует.

⁵ Трехколесное такси, велорикша (фр.).

⁶ Булочка с шоколадом (фр.).

* * *

Ужинать сели втроем. Меньшая из двух столовых на вилле Дюваль выходила окнами на небольшой павильон под соломенной крышей, где возле прудика с лилиями стояли огромные плетеные кресла и стеклянный журнальный столик. В углу находился красивый лакированный экран с резьбой, отделявший письменный стол с диваном, где любила уединяться Сильвия. То небольшое время до ужина Николь потратила не на уборку, а на чтение книги. Сейчас же она пригладила ладонью волосы и уставилась в потолок. Нарисованное там лазурное небо с пушистыми белыми облачками и херувимчиками, которые летали вокруг люстры-вентилятора, никогда ей не нравились.

В саду заверещали павлины.

– Проклятые птицы! – проворчал отец. – Ужасные скрипучие создания.

– Зато очень красивые, – возразила Николь. – Ты так не думаешь?

– Зачем держать их в саду? Они меня нервируют.

– Отец прав, – сказала Сильвия. – Эти птицы раздражают.

Все молча вернулись к еде. Над головой лениво вращался вентилятор, но стояла ужасная жара. Окна обрамляли тяжелые шелковые гардины, собранные золотыми шнурами с кисточками, а на некоем подобии ветерка еле заметно трепетали легкие муслиновые шторы. От новых вскриков павлина настроение отца лишь ухудшилось.

Доев десерт, он взглянул на Сильвию и Николь.

– Я рад, что вы обе здесь, – наконец проговорил отец.

Сестры переглянулись. В доме уже некоторое время висела тяжелая атмосфера: постоянно приходили с поручениями худошавые чопорные мужчины в армейской белой форме, трезвонил телефон, а папа казался напряженным до предела. В их доме прибыло американцев, и Николь пришла к выводу, что это агенты из Центрального разведывательного управления. На ее расспросы сестра отвечала уклончиво. Похоже, они обе не знали, что за этим стоит.

Отец переменял позу.

– Николь, тебе исполнилось восемнадцать, и я хочу поделиться с вами своими планами. Я хотел поговорить об этом, когда вам обеим будет двадцать один, но из-за моих дел с правительством все изменилось.

– В каком смысле? – спросила Сильвия.

– Я больше не смогу заниматься бизнесом.

– А что это за дела такие, папа? – поинтересовалась Николь.

– Точную должность мне пока не говорят, но, учитывая мои контакты с вьетнамцами, меня сочли подходящим для такой работы человеком. Это великая честь – трудиться во благо Франции.

– Но ты ведь будешь здесь, в Ханое?

– В основном. – Отец помолчал. – Вы удивитесь, но ради блага компании я считаю нужным поставить во главе только одну из вас. Я решил передать все дела Сильвии как старшей дочери, причем безотлагательно.

Николь взглянула на сестру, но та потупила взгляд и принялась тереть салфетку.

– К концу года я перепису все на Сильвию, а для тебя, Николь, я оставил небольшой магазин шелка.

– Не понимаю. Почему нельзя руководить делами вместе? Я всегда считала, что однажды мы с Сильвией возглавим бизнес.

Отец покачал головой:

– Сильвия старше и мудрее. У нее больше опыта, особенно в работе с американскими клиентами, поэтому логичнее, что она возьмет на себя управление. Будешь учиться так же прилежно, и тебе откроются новые возможности. Вот увидишь.

Николь нахмурилась:

– Значит, Сильвия будет во главе Дома на рю-Поль-Берт?

Отец кивнул. Николь заволновалась, представив внушительного вида здание «Мезон Дюваль», с чудесным куполом, полированной тиковой лестницей и элегантными верхними этажами с балконами. Этот магазин, столь полюбившийся Николь, находился на рю-Поль-Берт, которую часто называли Елисейскими Полями.

– Есть еще какие-то новости? – спросила она.

Отец уставился в одну точку над ее головой и стал загибать пальцы.

– Импорт и экспорт, а еще торговый эмпориум во французском квартале.

Николь знала, что львиная доля поставляемого ими шелка шла из Хьюэ, где заключались экспортные сделки. На эту часть бизнеса она возлагала большие надежды.

– Но я надеялась однажды стать начальником отдела закупок. Думала, ты именно поэтому брал меня с собой в шелковые деревни, пока Сильвия была в Америке.

Отец достал из кармана сигару и постучал ею по столу.

– Прости, если разочаровал тебя, *chérie*, но все будет именно так. Пока ты можешь закончить образование или принять мое предложение насчет старого магазина шелка. В противном случае мне придется найти тебе хорошего вьетнамского мужа.

Конечно, отец шутил, но Николь не смогла сдержать слез огорчения.

– Мне казалось, старый магазин заброшен.

Вновь до них донесся визг. Отец надул щеки и стиснул край стола так, что побелели костяшки пальцев. Николь чувствовала идущий от папы запах – воска для кожи, бренди и сигар.

– Проклятые птицы! – сердито воскликнул он.

Николь чувствовала себя опустошенной. С поездкой в Европу дела обстояли именно так. Сильвия отправилась в путешествие, а она нет. Правда, незадолго до этого Николь случайно подожгла шатер, когда отмечали восемнадцатый день рождения Сильвии.

– Вы обе оставайтесь тут и доедайте ужин, – сказал отец, поднимаясь на ноги. – Лиза с минуты на минуту принесет кофе. Я выпью свою чашку в кабинете.

Николь еле сдержала горячие слезы.

– Что до бизнеса, помни, что Сильвия старше тебя на пять лет и она чрезвычайно надежный человек. – Взявшись за дверную ручку, отец обернулся. – Ты бросила учебу прямо перед экзаменами и исчезла на несколько дней, что мне еще оставалось? Вся полиция искала тебя. А все это время ты со своей глупой подружкой пытались сесть на автобус до Сайгона. Тебе следовало понимать, как сильно мы будем волноваться. Могло произойти что угодно.

Николь понурилась. Ей это когда-нибудь простят?

– Знаю. Мне правда очень жаль. Я не подумала.

– Что ж, теперь тебе придется думать, и я очень надеюсь, что ты извлекла урок из своих ошибок.

– Конечно, папа, честное слово!

– Тогда докажи это и сделай магазин успешным. А после мы посмотрим, чем ты еще можешь заняться.

Глава 3

На следующий день температура воздуха достигла двадцати двух – двадцати трех градусов. Увидев, как по стене пробежала лупоглазая ящерица и скрылась за папоротником, Николь поняла, что снаружи будет невыносимо влажно. К счастью, прохладный кафельный пол, огромные папоротники в кадках и свет, проникающий сквозь высокий стеклянный купол потолка, создавали в зале атмосферу тенистого сада. Она опустила взгляд и взяла с перламутрового подноса ключи. Поправила подол своего облегающего платья и обула туфли на высоком каблуке в тон. Николь хотелось поскорее сбежать из дома, чтобы обдумать решение отца, вот она и решила прогуляться в центре.

На выходе девушка обернулась. Лиза распахивала темно-зеленые ставни. Трехэтажный особняк со свежей штукатуркой цвета охры сиял чистотой, а свесы крыши затеняли широкую веранду, идущую по периметру дома. За французским фасадом скрывался индокитайский стиль – лакированные красные панели по обе стороны дверей первого этажа, украшенные золотыми листьями.

Николь направилась в центр города, но через несколько поворотов услышала в отдалении вскрик. Она замешкалась, но после второго отчаянного вопля, который раздавался из переулка в стороне от главной улицы, отступила от своего маршрута. Николь заглянула в переулок, но ничего странного не увидела. Должно быть, просто дети, подумала она и отправилась дальше. Однако визг усилился, в нем звучала тревога. Недолго думая, Николь метнулась в переулок, к полуразрушенной заасфальтированной площадке, окруженной домами с разбитыми окнами. После Второй мировой войны и последующих боевых действий с Вьетминем некоторые улицы нуждались в восстановлении. Николь сбросила туфли и, насколько позволяло узкое платье, перебралась через завал у изгиба узкого переулка, наполовину скрытого деревьями.

Наконец она увидела с полдюжины взбудораженных французских парнишек. Подойдя ближе, Николь с ужасом поняла, что они теснили к стене маленькую девочку. Загнанная в ловушку жертва выглядела младше своих обидчиков. Мальчишкам на вид было лет по тринадцать. Николь бросилась вперед.

– *Métisse, métisse!* – выкрикнул один мальчишка.

Другие присоединились, с ухмылками глядя на девочку. Их лица скривились от презрения.

– Грязная метиска!

– Возвращайся туда, где тебе самое место.

Николь напряглась. Узнав в этой зареванной девочке, одетой в ярко-синее платье, Иветту, девушка тут же устремилась вперед. Заметив ее, парнишки в большинстве своем отступили. Только двое самых старших не двинулись с места. Голубая ленточка выбилась из растрепанных волос Иветты, и мальчишка тут же дернул за нее.

– Отпустите ее! – приказала Николь, стараясь взять ситуацию под контроль.

Звуки города стихли: сигналы автомобилей, скрип велорикши, голоса людей. Отчетливее всего Николь слышала биение своего сердца.

– Да она и сама метиска, – сказал самый высокий среди хулиганов. – Не слушайте ее.

Николь уловила запах алкоголя и заметила на земле бутылки от вина и сигаретные окурки, разбросанные среди листьев и кусков бетона.

– Но ее отец... – вклинился мальчишка поменьше.

Николь подлетела к высокому, схватила его за воротник и замахнулась туфлями:

– Мой отец доложит о вас в полицию!

Мальчишка ловко уклонился от удара, но каблук все же прошелся ему по виску. Задира замер, потом всхлипнул, прикоснувшись к голове пальцами и обнаружив на них кровь.

– Если еще хоть раз тронете ее... – сощурилась Николь.

Мальчишка продемонстрировал ей средний палец, но отступил.

– Давайте бегите, как трусы! Да вы и есть трусы. Как же, очень смело! Напасть на маленькую девочку!

Вдруг к Николь повернулся другой мальчик, один из тихонь, которого она сперва не заметила. Тощий, опрятно одетый. Его лицо показалось Николь знакомым, а в следующую секунду в его руке сверкнуло лезвие ножа. Она повернулась к девочке.

– Беги, Иветта! – крикнула Николь, махнув рукой. – Туда! Беги домой! Со всех ног!

Иветта замешкалась.

– Немедленно! Беги!

Девочка развернулась на каблуках, а Николь расправила плечи и расставила ноги шире.

Мальчишка ухмыльнулся и вдруг бросился на нее, взмахнув ножом в воздухе. Николь пригнулась, поймала его за запястье и заломила руку за спину.

– Эй! Больно же! – вскрикнул парнишка.

– Бросай нож!

После некоторой возни ему удалось вырваться; царапнув Николь ножом по щеке, он толчком сбил ее наземь. Девушка потрясенно коснулась лица и даже не заметила, как рядом появился еще кто-то. Подняв голову, Николь обнаружила, что некий мужчина держит подростка за горло. С растущим удивлением она узнала в своем спасителе Марка Дженсона.

– Бросай нож, мелкий ублюдок! – крикнул он.

Мальчишка что-то булькнул, задыхаясь. Его глаза округлились от ужаса.

Николь испуганно следила за происходящим. На секунду ей показалось, что американец задушит парнишку. Она открыла рот, желая предостеречь Марка, пока все не стало совсем худо, но он отпустил мальчика и оттолкнул от себя. Подросток попятился, но не упал.

Мужчина и парнишка неотрывно смотрели друг на друга. Подул ветерок, принеся с собой прохладу. Помрачнело, словно солнце скрылось за тучами, однако небо оставалось поразительно голубым. Мальчишка все еще размахивал перед собой ножом. По лицу Николь струился пот. Ей на мгновение показалось, что мальчишка вот-вот кинется на Марка. Но момент был упущен. Паренек передумал, отступил на шаг и бросил нож.

Марк шагнул вперед и занес кулак:

– А теперь проваливайте отсюда.

Подросток понесся прочь.

В переулке повисла тишина, на фоне которой раздавались звуки города.

Марк повернулся к Николь и обхватил за талию.

– Как же вы так... – Он поднял ее на руки, прожигая горячими ладонями тонкий хлопок платья.

– Все было под контролем, – сказала Николь, но оба понимали, насколько ее потрясло произошедшее.

Она старалась не думать сейчас о том, что ее обозвали «métisse», грубым словом для обозначения детей смешанной крови, и поглубже запрятала чувство стыда. Раньше, до восстания Вьетминя, все было иначе. Сейчас же отпрыски смешанных рас с вьетнамскими чертами ловили на себе подозрительные взгляды французов и слышали пересуды. Сильвию это не коснулось, ведь ей досталась внешность типичной француженки, однако Николь дразнили не впервые, а сейчас это вернуло всю ее неуверенность.

Поднялся ветер. Марк смахнул кровь у нее со щеки, потом вытер руку о платок.

– Спасибо, – сказала Николь.

А ведь она так долго прихорашивалась, вот только шиньон никогда не сидел как нужно, сбиваясь набок. Николь пригладила платье и помедлила, вспомнив, кем был тот мальчишка:

Даниэль Жиро. Его отец работал начальником полиции и водил дружбу с ее отцом. Ничего хорошего ждать не приходилось...

– Идем, – сказал Марк. – Думаю, нам не помешает выпить.

Он помог ей переступить через выбоины на дороге и повел к бульвару Анри-Ривьер, проходя в тени тамариндов. Ближе к отелю Марк замедлил шаг:

– Вы в порядке?

– Слегка переволновалась.

Николь остановилась и внимательно посмотрела на Марка. На нем была клетчатая рубашка мягких оттенков и льняные брюки, а лицо выбрито так же гладко, как у любого американца. В повседневной одежде Марк выглядел не хуже, чем в парадном костюме, а может, даже лучше, промелькнуло в голове Николь. Она глянула на противоположную сторону улицы – на резиденцию верховного комиссара Франции, надеясь, что отца сейчас там нет. Наконец они прошли внутрь, минуя огромные стеклянные двери отеля «Метрополь».

Марк провел рукой по волосам, убирая их с лица, потом указал на чайные столики:

– Чай или что покрепче?

Николь улыбнулась и кивнула на французские окна в глубине отеля.

Марк посмотрел на просторную галерею, окруженную садами.

– Давайте чай и в теньке, – сказала Николь.

На веранде репетировал музыкальный ансамбль, который исполнял старомодную танцевальную музыку с вкраплениями песен Нэта Кинга Коула.

Когда они вышли на веранду, Марк выдвинул для Николь стул, и она уловила горьковато-сладкую нотку аниса и лимона от его теплого дыхания.

Они устроились за столиком рядом с троицей французских офицеров; один засмеялся, поднял сигару и махнул рукой в направлении Николь. Она вдохнула заструившийся к ней дым и улыбнулась.

– И как вам в Ханое? – спросила она у Марка. – Нравится?

– Прекрасное место для торговли шелком.

– Значит, этим вы занимаетесь?

– Точно. Моя главная задача – найти шелк.

– У нас чудесный шелк, но я бы хотела съездить в Китай и в Индию. Вы там бывали?

Пока они пили чай, Николь из-под густой челки разглядывала Марка. Черты его лица не были такими уж идеальными. При первом взгляде он казался красавцем, и только в профиль становились заметнее его заостренный подбородок и прямой нос. Когда Марк улыбался, вокруг глаз собирались мелкие морщинки.

Он словно о чем-то задумался, осматривая веранду. Николь подмечала в людях такие детали. Отчаянно желая походить на француженку, как ее сестра, она обращала внимание и на наклон головы, и на непринужденную манеру держаться, хотя у нее самой это плохо получалось. Настоящие французы излучали абсолютную уверенность в себе.

Взгляд Марка остановился на Николь. Под его глазами пролегли тени, накинута ему несколько лет. Перед ней не мальчик, а мужчина, вдруг подумала она, и первый, кто ей так понравился.

– Расскажите о себе, – попросил Марк.

– Раньше мы жили возле реки в Хюэ и приезжали в Ханой только на Рождество. Пять лет назад мы переехали сюда. Вам очень повезло. У меня две мечты – повидать мир и закупать шелк. – Она покачала головой и засмеялась. – Я не хочу оставаться в Ханое навсегда.

В этот момент к ним подошел мужчина с сигаретой во рту. Он что-то сказал на незнакомом Николь языке, однако Марк понял его. Достал зажигалку, шелкнул ею и прикурил сигарету, прежде чем ответить. Последовал поток речи, похожей на русскую. Марк вел разговор, сохраняя спокойствие, а его собеседник что-то яро доказывал – по крайней мере, говорил он

на повышенных тонах. Спустя пару минут мужчина пожал плечами и ушел. Что бы они ни обсуждали, Марк выиграл этот спор.

– Значит, – проговорила Николь, когда мужчина отошел на достаточное расстояние, – вы говорите по-русски? И о чем же шла речь?

– Ничего важного, – ответил Марк и помедлил. – Моя мать была русской. Ее отец преподавал в университете, а когда они с женой погибли во время революции, мать бежала от большевиков в Америку.

– Но ваш отец американец?

– Да. Она вышла за него замуж почти сразу после переезда, и вскоре на свет появился я. Тоска в голосе Марка удержала Николь от дальнейших расспросов.

– И надолго вы здесь? – спросила она, наматывая на палец локон.

– Сколько потребуется.

К столику подошел официант. Он принес белый заварной чайник с ароматным жасминовым чаем и такие же чашки и блюдца на серебряном подносе. Николь взглянула на руки Марка – вовсе не холёные ладони офисного работника, а крепкие, как у человека, привыкшего к физическому труду.

За столиком повисла тишина. Когда они допили чай, Марк вздохнул, посмотрел на часы и перевел взгляд на Николь. Вокруг его глаз снова собрались морщинки.

– Я был рад увидеться вновь, Николь Дюваль. Вы как глоток свежего воздуха.

Она откинулась в кресле, не в силах посмотреть ему в глаза. Марк будто видел ее насквозь, но она не могла открыться ему. Разве такой мужчина может заинтересоваться кем-то вроде нее? Николь наконец осмелилась поднять голову. В этот момент Марк поправил галстук и провел ладонью по волосам.

– Уже уходите? – спросила она.

– Простите. – Он кивнул. – У меня деловая встреча, я уже опаздываю. Был рад повидаться. Если с вами все хорошо, я вызову такси.

– Знаете, я уже совсем забыла про тех мальчишек, – рассмеялась Николь.

– Если хотите, мы можем встретиться вновь и выпить, к примеру, кофе?

– Не возражаю.

– Утренний кофе через три дня? В девять тридцать? Давайте встретимся у фонтана возле отеля.

Глава 4

Николь зачарованно смотрела на буйство красок, царившее на рынке вьетнамского квартала. Так легко было заплутать на старинных улицах, переплетенных переулками и пропитанных ароматами имбиря и угля. Визгливо выкрикивали торговки, предлагая товары. На тележках с соломой и парусиной лежали носки, шали и рулоны хлопковых тканей. На низких табуретах, скрестив ноги, сидели мужчины и перекатывали по тротуару игральные кости. Пели канарейки в бамбуковых клетках, свисавших с крыш узких магазинчиков. В лучах солнца кружили пылинки, заставляя воздух мерцать.

Однако у Николь было тяжело на сердце. После того как в конце Второй мировой войны японцы вывели войска из страны, а Хо Ши Мин провозгласил Вьетнам независимым государством, на краткий срок к власти пришло вьетнамское правительство. Но французы вновь перехватили бразды правления и с поддержкой Великобритании и Америки возродили Индокитайскую империю. Магазин шелка все это время стоял закрытым, и Николь решила туда навестись. Любая девушка в ее возрасте с восторгом восприняла бы идею занять свой магазин, однако Николь надеялась, и небезосновательно, что ее ждало куда большее. Ей было обидно и больно, что отец предпочел сестру в качестве наследницы.

Всю свою сознательную жизнь Николь заучивала историю французов в Индокитае с момента основания колоний в XIX веке. Они вторглись в страну с *mission civilisatrice* – цивилизаторской миссией, строя дороги, школы, больницы. Но, унаследовав от матери вьетнамскую внешность, Николь не чувствовала себя такой уж француженкой, как, впрочем, и вьетнамкой. До войны это не имело значения, но теперь все изменилось. В стране процветали предрассудки. Николь окинула взглядом молоденьких вьетнамок в конических шляпах, которые так и прыгали вверх-вниз, пока девчонки продавали жареный лук и похлебку. В их ничем не примечательных, но милых личиках она видела себя. Сзади донесся визг. Николь обернулась и увидела сбежавшего из самодельного загона поросенка. Животное перебежало на другую сторону улицы, минуя цыплят в клетках и петляя между ног торговцев и покупателей. Птицы заверещали и захлопали крыльями, а за поросенком с не менее громким визгом гналась женщина. Николь с улыбкой смотрела на эту миниатюрную трагедию. Может, не так уж и плохо иметь здесь магазин. Среди постоянной суеты скучать не придется.

Чем больше она углублялась в старый квартал, тем теснее смыкались крыши узких домов, прижавшихся друг к другу, как покосившиеся костяшки домино. Николь нравились все тридцать шесть старинных улиц, на каждой из которых продавали что-то свое: шляпы на Хань Нон, медные тарелки и подносы на Хань Донь, шелк на Хань Гай, где жили красильщицы шелка, – улице, известной французам как *рю-де-ла-Сойе*.

Она купила сладкую булочку с кокосом в лавке на Хань Зыонг и неторопливо ела ее, пока шла до самого старого из трех семейных магазинов в Ханое. Николь присела на ступеньки. В этот майский полдень, если не считать сильной влажности, стояла ясная солнечная погода, по улицам скользили солнечные лучи. Смех, звуки радио с какофонией музыки, людская суета, звонки велосипедов и крики живности – все перемешалось, приправленное ароматами лотоса. У Николь улучшилось настроение.

Из соседнего магазина вышла молоденькая девушка, которая вместе с матерью продавала шелковые нити. Миниатюрная, приятной наружности, с толстой косой ниже пояса.

– Здравствуйте, – сказала девушка. – Это ваш магазин?

Николь встала и слегка поклонилась:

– Теперь мой.

– А скоро он откроется? Плохо, что он так долго пустует.

Николь взглянула на рулоны выцветшей ткани, до сих пор не убранные с витрины второго этажа. Штор на окнах не было, и рулоны стояли открытыми на обозрение прохожим.

– Возможно.

– Меня зовут У Лан, – сказала девушка. – Хотите кофе?

Николь замешкалась, но девушка просто светила от счастья, ожидая ее ответа.

– С удовольствием. Я лишь зайду на минутку внутрь и приду.

Николь заворуженно смотрела, как за витриной кружатся шелковые птички, и представляла, что полки ломятся от рулонов блестящей новой ткани, а на верхнем этаже развеваются чистенькие занавески. Ее дружелюбно встретила соседская девушка, и хотя магазин выглядел обшарпанным, все оказалось лучше, чем Николь ожидала. То, что она здесь увидела, ей понравилось.

Зайдя внутрь, Николь включила свет, затем подняла жалюзи на окнах рядом с парадной дверью. Те со щелчком убежали вверх, разгоняя по сторонам пыль. Николь зажала нос и заторопилась по коридору первого этажа, похожего на туннель, к черному ходу. Там она распахнула двери во внутренний дворик и сорвала несколько желтых цветков вьюнка, который затянул стены и даже добрался до окон второго этажа. Здесь, в этом небольшом пространстве, под открытым небом обитала дюжина котов. Ленивые создания спали на каменной плитке, впитывая солнце и тепло, но иногда боролись с грызунами. Похоже, раньше здесь находилась летняя кухня, на что указывала запылившаяся глиняная печь, разбитые горшки на скамье и колодец в центре двора. Николь окинула взглядом небольшую ванную комнату по левую сторону и внутреннюю кухню, куда заходили и со двора. В темноте прятались служебные помещения. Заметив дверь в кладовке, Николь отодвинула щеколду и увидела, что та ведет в узкий переулок. Она посмотрела на соседний дом с наружной лестницей – на балконе У Лан выращивала оранжевые и красные *hoa cuc* – хризантемы. Николь сделала мысленную пометку тоже купить растений.

Глава 5

Всю ночь Николь ворочалась, а потом проснулась слишком рано. Ее преследовал один и тот же сон. Но не кошмар, от которого бросало в холодный пот. Ей снился безветренный день, над рекой бескрайним полотном стелился лиловый туман. Николь погружалась в воду цвета лаванды. Ярко сверкало солнце, заполняя желтым светом горизонт. Не стоило сопротивляться. Раздражал лишь омерзительный запах рыбы и мелькнувшее в сновидении лицо Сильвии. Это встревожило Николь, и после пробуждения она не могла отделаться от неприятного чувства. Говорят, во сне нельзя умереть, но стоит этому произойти, и ты не проснешься – смерть, даже во сне, останется загадкой.

Они уехали из Хюэ в Ханой ярким солнечным днем. Небо было ясным, со стороны Китая дул ветерок, принося прохладу. Николь взглянула на утренние ледяные воды Ароматной реки, делившей Хюэ надвое, и поняла, как сильно будет тосковать по их дому, что стоял в окружении деревьев на южном берегу.

В Ханое она не могла любоваться рекой, но на легком ветру здесь покачивались листья бенгальского фикуса и цветущие ветви плюмерии. Дождь прошел, солнце залило лучами садовую лужайку, рядом с дверью дремали павлины. Николь сбежала по лестнице вниз и увидела Лизу, которая по привычке зажигала в пять утра котел. Сегодня тот оживал с неохотой, в комнате стоял дым. Лиза откинула с глаз волосы, оставляя на лице следы сажи, и присела на колени.

– Черт бы побрал этого ворчуна!

– Ты про отца? – засмеялась Николь.

– Конечно нет! – Лиза выпрямилась и потерла спину. – Я про это проклятое чудище!

– Выбирай слова, – сказала Николь, открывая дверцу и выпуская дым.

– А ты что так рано вскочила, мой цветочек?

– Не могла уснуть.

Лиза переключилась на котел, и вскоре по комнате пошло тепло.

Кухарка встала, уперев руки в бедра.

– С этим покончено, поставлю кофе, – с легким раздражением проговорила она. – Итак, какие новости?

Николь пожала плечами. Ей хотелось плакать всякий раз, как она думала о несправедливом решении отца.

– Мне отдали старый магазин шелка, вот и все.

Лиза что-то буркнула себе под нос, потом широкими, размашистыми движениями протерла стол.

– Что ж, думаю, всем надо с чего-то начинать. Садись.

Николь выдвинула стул.

– Только не Сильвии. Ей все преподнесли на блюдечке. Она знает о шелке куда меньше меня. Почему папа так несправедлив?

Лиза надула щеки и завела за уши выбившиеся пряди волос.

– Есть некоторые вещи... Не знаю, но после смерти вашей мамы...

– Он винит меня, да? – перебила ее Николь.

– Больше нет.

– Но раньше винил?

Лиза замешкалась, будто была не готова раскрыть секреты.

– Дорогая моя, все случилось так давно. Не лучше ли смотреть в будущее? Докажи ему, что ты можешь добиться успеха.

– Я была в старом магазине.

Лиза резко выдохнула.

– Что такое?

– Поговаривают, что в старом квартале взорвалась бомба. Надеюсь, там безопасно.

– Вьетминь так близко подошел к Ханюю?

– Может, и нет. Знаешь, это всего лишь слухи.

На секунду повисла тишина.

– Размять тебе плечи?

Когда Николь кивнула, Лиза встала у нее за спиной и принялась массировать напряженные мышцы.

– Только от тебя зависит, сможешь ли ты вдохнуть жизнь в тот магазин.

– Похоже, что так. Мне там понравилось.

Руки Лизы замерли, и Николь повернулась посмотреть на кухарку. Что-то мелькнуло на ее лице, а глаза увлажнились.

– Я всегда очень любила тебя, малышка. – Лиза снова замолчала. – Знаю, что иногда было непросто.

Слезы подступили к горлу Николь. Лиза вздохнула:

– Мне кажется, порой отец не может справиться с чувством вины и вымещает все на тебе.

– А с чего ему испытывать вину?

Лиза покачала головой:

– Николь, не суди сестру строго. Она тоже много страдала. Пусть тебя не обманет ее внешнее спокойствие... Я сделала все, что в моих силах.

– Случившееся в Хюэ не твоя вина.

– Нужно искать во всем положительные стороны, милая. Иди сюда.

Лиза распахнула объятия, и Николь подошла к ней. От прикосновения теплых рук она не сдержала слез. Кухарка похлопала ее по спине, а когда Николь отстранилась, та улыбнулась:

– Так-то лучше. Еще никому не вредило выплакаться от души. Все не так плохо.

– Правда?

– Ты ведь знаешь, что все может обернуться к лучшему.

* * *

Спальня Сильвии была выкрашена в самый бледный оттенок желтого, на полу лежали белые коврики, светлые парчовые шторы закрывали окна. Вечером Николь постучалась в комнату сестры, зашла внутрь и села на атласные простыни.

Легкий ветерок принес со стороны сада едкий запах дыма и аромат скошенной травы, и Николь чихнула. Комнату заливал свет закатного солнца, а тишину прерывал лишь шелест ветвей, трущихся о стену дома. Одетая в белую шелковую пижаму, Сильвия пригладила длинные каштановые волосы, свою гордость. Отращивала она их не один год, и теперь они доходили до талии и прекрасно выглядели. Устроившись у окна, сестра взялась за записи в своем блокноте, а Николь обвела взглядом комнату – аккуратные ряды книг на стеллаже, украшенную расписными стеклами полку над кроватью, желтые и белые розы на тумбочке. Девушка развернула ириску и бросила ее в рот. Все в спальне Сильвии находилось на своих местах. Те, кто дорожил жизнью, предпочитали здесь ничего не трогать.

– Вчера я пила чай с Марком Дженсоном, – сказала Николь. – В отеле. Там были офицеры и живая музыка.

– Я пытаюсь сосредоточиться.

– Мне нравится Марк. У него потрясающие глаза, правда? Такие яркие!

Сильвия склонила голову набок и помедлила.

– А он не староват для тебя? – наконец спросила она.

Николь уставилась в потолок. Был ли Марк слишком взрослым? Она снова взглянула на Сильвию.

– Что ты там пишешь?

– Николь, тебе что, скучно? – Сильвия захлопнула блокнот в кожаном переплете и посмотрела на свои ногти.

Николь завидовала идеальному маникюру сестры, каждый ноготок идеально повторял форму другого. У нее самой ногти слоились, а ведь скоро летний бал, и не помешает привести руки в порядок.

– Что ты наденешь на бал? – спросила Николь.

– Это секрет.

Она решила дождаться, когда сестра уйдет, и обыскать комнату.

– Знаю, о чем ты думаешь. Платья здесь нет!

– С каких пор ты читаешь мысли? – рассмеялась Николь.

Сильвия покачала головой и устремила на сестру сверкающие, как зеркала, ореховые глаза.

– У тебя все на лбу написано. Прочсть несложно.

Сильвия была полной противоположностью Николь. Как же сестры различались! Мысли и чувства Сильвии всегда оставались загадкой.

– Тебе никогда не хотелось выбежать на улицу и танцевать голышом под звездами? – вдруг спросила Николь.

Сильвия засмеялась:

– А тебе хотелось?

Николь молча уставилась на сестру. Почему она всегда такая спокойная? Казалось, Сильвию ни капли не заботит несправедливость отца, а вот Николь лишь об этом и думала.

– Скажи, почему папа отдал тебе весь бизнес?

Сильвия встряхнула флакон с розовым лаком и стала наносить на ногти.

– Ты ведь знаешь почему. Сейчас он занят лишь своим постом в правительстве.

– Каким же именно?

Сильвия резко подняла голову, и на пол упала капелька лака для ногтей. Сестра тут же взяла салфетку и все вытерла. Потом заметила обертку от ириски, подобрала и бросила в мусорную корзину.

– Итак? – повторила Николь.

– Chérie, я знаю не больше твоего. – Сильвия все так же красила ногти. – Мне интересно другое – примешь ли ты предложение насчет магазина шелка или нет? Если да, нужно заняться вопросами безопасности.

– Безопасности?

– Всего лишь мера предосторожности.

Николь взглянула в бесстрастное лицо сестры, подмечая идеальную симметрию. Все завидовали безупречной коже Сильвии, ее скулам, словно высеченным из мрамора. У этой девушки были все достоинства, какие только можно вообразить. Сильвия в свою очередь изучала Николь. Но вот опустила голову и вернулась к покраске ногтей.

* * *

На следующий день тяжелые черные облака затянули небо, а время словно замедлилось. Николь не могла дождаться назначенной встречи с Марком. Она бесцельно бродила по дому и саду, не в силах усидеть на месте. Хотела поговорить о магазине с отцом, но он выглядел совершенно отстраненным. Николь не выдержала и пошла к нему в кабинет, ожидая, что он

будет один. Однако своим появлением она прервала визит высокопоставленного вьетнамского чиновника, который рассказывал про подпольную сеть в Хайфоне.

– Что тебе нужно? – резко сказал отец. – Это личный разговор.

– Я ничего не слышала, – смутилась Николь. – Просто хотела сказать, что принимаю предложение насчет магазина.

– Хорошо. Поговори об этом с Сильвией.

На выходе из комнаты она услышала слова «французская кукла». То же самое несколько раз писали красным на стене, которая огораживала дом их соседки госпожи Хой. Мог кукловодом быть ее отец?

Николь удивилась, когда он захлопнул за собой дверь кабинета и последовал за ней в холл.

– Мне позвонили с жалобой на тебя, – тихо произнес он, – что не слишком меня радует.

– И что за жалоба? – спросила Николь, перебирая в уме все, из-за чего мог рассердиться отец.

– Это касается Даниэля Жиро. Ты правда позавчера угрожала ему ножом? Откуда у тебя вообще нож?

Щеки Николь вспыхнули. Этот негодяй не удержался и наябедничал.

– Все было совсем не так, – ответила Николь, заводя волосы за уши. – Именно он вынул нож. И порезал мне щеку! Вот, посмотри! Я тут ни при чем!

– Он совсем мальчишка, к тому же тихоня.

– Просто прикидывается таким...

– Я не позволю, чтобы моя дочь вела себя как разбойница, – резко прервал ее отец. – Ты должна написать письмо и извиниться.

– Те мальчишки угрожали Иветте. Парнишка такой же расист, как и его отец.

– Но ты поступишь так, как я тебе сказал. Может, его отец и расист, но он комиссар полиции и пустил бы дело дальше, не будь он моим знакомым.

Отец махнул рукой на двор:

– Если затеваешь игры с ножом, лучше перережь глотки этим проклятым птицам.

Он крутанулся на каблуках и зашагал в кабинет.

Николь прислушалась к звукам из открытого окна. Чуть позже она услышала, как отец проводил посетителя и вернулся в сад. Его шаги стали громче, затем стихли. Николь увязалась следом и увидела отца на скамейке, лицом к цветущему пруду. В воздухе витал сладковатый аромат. Отец обхватил голову руками, словно предаваясь размышлениям, но в следующую секунду посмотрел наверх, сорвал с куста розу, понюхал, затем бросил цветок на дорожку и растоптал.

Их с отцом взгляды сильно расходились, как и темперамент, но Николь понимала, что он искренне переживает из-за волнений в стране. Отец не решался назвать это войной, хотя все уже знали, что бои ведутся на подступах к Ханюю.

В воздухе маячила мошкара, скользили по саду тени, шуршала на легком ветерке листва. Николь смотрела, как раскачиваются широкие ветви смоковницы, как кружат над поляной у пруда птицы. Над водой повис легкий туман. Девушка собрала букет диких маргариток и поболтала по-вьетнамски с садовником, пока тот поливал кусты гортензии.

Отец заметил Николь и подозвал к себе. Подвинулся, освобождая место на скамье.

– Прости, что нагрубил. Я рад, что ты приняла предложение насчет магазина.

– И ты прости мою неблагодарность. – Николь помедлила. – Папа, можно кое о чем спросить?

– Конечно.

– Правда, что Вьетминь близко подошел к Ханюю?

– Почему ты это спрашиваешь? – Отец пристально посмотрел на нее.

– Ходят разные слухи. Лиза слышала о взрыве в старом квартале. А ты был слишком занят.

– Глупости. Если Вьетминь и найдет поддержку у жителей деревень, им никогда не одолеть французскую армию. – Отец достал из кармана пиджака газету. – Видишь, о бомбе тут ничего не пишут.

Николь прочла заголовки. Говорилось, что атаки отменили, но она прочла заметку о французском чиновнике, на которого было совершено покушение представителем Вьетминя. Злоумышленник скрывался в бамбуковой роще.

– А что с покушением? – полюбопытствовала она.

– Неудавшаяся попытка. Что до боев, они ведутся далеко, в горах и на рисовых полях. От этого страдают крестьяне.

– Ты ненавидишь вьетнамцев?

– Конечно нет, – потрясенно ответил отец. – Твоя мать была вьетнамкой. Но именно мы, французы, сделали страну такой, какая она сейчас. И только мы можем ее руководить. Мне пора. У нас вечерняя встреча с Марком Дженсоном.

– Он очень приятный молодой человек, да?

– Николь, тебе не следует с ним сближаться, – нахмурился отец.

– Почему? Он же просто торговец шелком.

Отец не ответил.

– Завтра займись магазином, если не возражаешь, – проговорила Николь. – Наведу там порядок.

Отец похлопал ее по руке и ушел.

Сгущались сумерки, перетекая в ночь. Николь подняла взгляд на деревья, внимая пению ночных птиц на фоне грохота кастрюль, с которыми расправлялась на кухне Лиза. Девушка закуталась в легкую шерстяную шаль, ощущая себя на стыке двух миров: в одном, человеческом, правила суэта, за которой порой было не угнаться, а во втором начиналось царство природы. Там жили по другим законам. Когда оранжевое небо разлило по воде золото, в душе Николь вспыхнуло незнакомое чувство. Трепет и радостное предвкушение встречи с Марком. Она не поняла, зачем отец предостерегал ее, и решила не забивать себе голову. Вновь поднялся ветер, теребя листву, зашуршали ветви смоковницы, заскрипел могучий ствол. Николь со всех сторон окутала темнота, и она представила, что сидит здесь не одна, а с Марком.

Глава 6

Для первого дня в магазине шелка Сильвия помогла сестре повязать на длинные волосы черный платок – кхандонг. Они обе решили, что лучше Николь появляться там во вьетнамской одежде, и сегодня она надела сине-зеленый, как хвост павлина, аодай⁷ поверх черных шелковых штанов.

Николь поклонилась и засмеялась, увидев свое отражение. Радовалась она не только открытию магазина, но и скорой встрече с Марком.

– Теперь я совсем не похожа на француженку, – сказала она.

Интересно, что подумает Марк, увидев ее в таком наряде.

– Только для магазина. Дома можешь оставаться француженкой. Хотя какая из тебя француженка...

– Сильвия, мы одинаковые!

– И то правда.

* * *

Чуть позднее Николь присела у фонтана напротив отеля «Метрополь». В городе начиналось обычное утро, легкий ветерок приносил влажные ароматы листвы от окружающих озеро деревьев. Скоро воздух разогреется, а палящие лучи солнца выбелят улицы. Николь явилась на место встречи рано и теперь наблюдала за птицами, клевавшими гравий, и за сверканием воды в фонтане.

Ей нравилось, как скользили солнечные зайчики по зеленой глади озера Хоанкьем. По утрам, до того как улицы наполнялись суетой, это было самым ее любимым местом в Ханое. Николь ждала, думая об отце. С кем и над чем он работал, всегда оставалось загадкой, но после замечания о Марке она задумалась, как именно они встретились. Раз Марк – обычный закупщик шелка, то вел бы дела с Сильвией, разве не так? Отец давно налаживал торговлю с американцами и, скорее всего, завязал это знакомство, когда на несколько недель отправился к Сильвии в Нью-Йорк. В детстве Николь иногда подслушивала телефонные разговоры и знала, что он поддерживал американцев, когда те помогали Вьетнаму в борьбе против японцев.

Пока она предавалась мыслям, в поле видимости появился Марк. Он стоял возле отеля к ней спиной, сунув руки в карманы, и с кем-то разговаривал. Николь застыла в ожидании, а когда он повернулся и зашагал к ней, ее сердце вздрогнуло.

– Я еле узнал тебя в этой одежде, – сказал Марк.

Она улыбнулась, увидев, что ему приятна их встреча. Загар на лице и руках Марка потемнел, его улыбка казалась невероятно белоснежной, а волосы чуть выгорели на солнце.

– Кофе? – предложил он, ведя Николь за со-бой.

Солнце серебрило тротуары. Николь вслушивалась в ритм шагов Марка, стараясь не отставать. Они шли так близко друг к другу, что она буквально ощущала идущую от Марка энергию.

– Теперь я возглавляю наш старый семейный магазинчик шелка. Сегодня мой первый рабочий день, – сказала Николь и, смутившись, добавила: – Надеюсь, у меня все получится.

Марк остановился и широко улыбнулся ей, затем приобнял, словно подбадривая:

– Ты ведь хочешь объездить весь мир, да?

Она кивнула.

– Николь, ты сама выбираешь свой путь. По крайней мере отчасти.

⁷ Аодай (аозай) – вьетнамский костюм, преимущественно женский, в виде длинной шелковой рубахи поверх штанов.

Пристальный взгляд Марка взволновал ее. Как устоять перед мужчиной со столь глубокими синими глазами и неотразимой улыбкой? Тело Николь само откликалось на его энергию. Николь вдруг занервничала, задумавшись, а какой он видит ее – невысокую, с большими темными глазами.

Марк положил руку ей на плечи:

– Идем.

Пока он делал заказ, Николь ждала его в очереди у кафе. Заведение казалось даже более жизнерадостным и красивым, чем обычно, хотя рядом с Марком все становилось чудесным. Они устроились за столиком у окна, и Николь мысленно посмеялась над своей мечтательностью. Заметив, что Марк изучает ее лицо, она отвернулась.

– Скажи мне, когда замолчать, но мне кажется, тебя что-то волнует.

– Не думала, что это так заметно, – вздохнула Николь.

– И что это?

Она замешкалась и мельком взглянула на Марка, но тут ее чувства хлынули наружу.

– Ничего особенного. Просто размышляю над тем, что мне достался старый магазин шелка, а к Сильвии перешел весь бизнес.

Николь замолчала, прислушиваясь к звону кофейных чашек и отголоскам чужих разговоров, затем посмотрела на улицу. Ей нравился Марк, но насколько можно довериться почти незнакомому человеку?

– Значит, не быть мне торговцем шелком, – после небольшой паузы сказала она.

– Не торопись, – улыбнулся Марк. – А где находится этот магазин?

– В старом квартале. Я сделаю все, что в моих силах. У меня вьетнамская внешность. Я люблю шелк. Как он пахнет. Какой он на ощупь. С ним я умею обходиться. – Она улыбнулась. – Или же он со мной?

– Значит, у тебя целый план насчет этого магазина?

Николь рассмеялась:

– Для начала я собираюсь навеститься туда с дезинфицирующим средством и шваброй. Магазин нуждается в генеральной уборке. Я наведу там такую красоту, что клиенты не устоят. Они будут приходить и покупать шелк.

– А хотела бы ты заняться чем-то еще? – Марк коснулся ее руки.

– Раньше я любила петь и участвовала в школьных постановках, – улыбнулась Николь.

– Сейчас я о другом. Как насчет того, чтобы поплавать? Или покататься по озеру?

– Я не слишком дружу с лодками. – Николь поморщилась.

– Грести буду я. Тебе просто нужно расслабиться и оставаться красивой.

– Непростая задачка, – засмеялась Николь.

– Неужели ты не понимаешь?

– Чего именно?

Марк подался вперед и коснулся ее щеки:

– Ты даже сама не знаешь, насколько ты красивая.

По шее Николь пробежала горячая волна, и девушка стыдливо опустила глаза. Смелся ли Марк над ней? Не хотелось думать, что она для него не более чем способ отвлечься. Игрушка, с которой можно пошутить, не принимая всерьез.

Вновь пошел дождик, хотя сквозь ветви деревьев все еще пробивались солнечные лучи. В такие дни тьма и свет словно вступали в борьбу.

– Как думаешь, у меня что-нибудь выйдет с магазином? Я совершала всякие глупые поступки. Ставила отца в неловкое положение. Он считает, что мне нельзя доверять. Сильвия не устраивала пожаров, не сбегала без предупреждения на автобусе в Сайгон. В школе меня то и дело оставляли после уроков, потому что я много болтала и вечно проливали чернила.

– В молодости мы все совершаем глупости.

– Ты говоришь как древний старик. Сколько тебе лет?

– Тридцать два.

Прогремел гром, и Николь подняла голову.

– Поверь мне, – сказал Марк. – Все получится. Просто докажи отцу, что ты можешь сделать магазин успешным.

Он закурил «Честерфилд», и они еще немного поболтали. Вскоре Марк отодвинул стул.

Николь забеспокоилась, что их встреча вот-вот закончится.

– А какие у вас дела с папой? – выпалила она. – Не похоже на обычную торговлю шелком. Ты работаешь на французов?

Лицо Марка не изменилось, но небольшая пауза в его ответе встревожила Николь.

– К чему об этом говорить?

– Теперь бизнесом руководит Сильвия, значит ты должен работать с ней, а не с отцом.

– Так и будет, с поддержкой твоего отца. Хотя никто из нас не хотел бы распространения коммунизма в Юго-Восточной Азии, правда?

Марк протянул ей руку, но Николь слегка отпрянула. Пристальный взгляд этого человека оживлял все ее чувства, и даже собственный голос казался чужим.

– Я заеду за тобой завтра в шесть. Полюбujemyся, как садится над озером солнце. Будет здорово.

Николь хотелось задать Марку миллион вопросов, но он встал и широким шагом вышел из кафе. Она поспешила за ним, однако он вдруг остановился на крыльце. Когда Николь нечаянно врезалась в него, Марк запечатлел на ее губах легчайший поцелуй, отчего по всему ее телу пробежала дрожь. Николь откинула с лица волосы. Голова шла кругом, и хотелось куда большего. Должно быть, Марк это понял, однако отстранился.

* * *

Покончив с покупками, Николь вышла на улицу и вобрала в легкие воздух, в котором смешалось зловоние сточных канав, перебиваемое более сильным запахом – свежей выпечки. В этом месте хорошее и плохое сливались воедино. К счастью, небо прояснилось, дети побежали по поручениям матерей, некоторые играли в канавах, хотя один бог ведал, что они могли подцепить в болотистой коричневатой воде или среди облака москитов.

С ключом в руке Николь стояла у входа в магазин. На тротуаре сидел калека, протягивая картонную коробку от жареных овощей и бобов в имбирном соусе. Повернувшись, она дала ему несколько монет и перебросилась парой фраз.

По радио играла вьетнамская музыка. Подняв голову, Николь посмотрела на верхний этаж магазинчика шелка напротив, не столь просторный, как у них. Там продавали дешевую ткань для штор. Вдова прежнего управляющего магазином шелка Дюваль хмуро глянула на нее из-за шторы, и Николь мельком увидела ее зубы. Женщина все еще наносила на них черную эмаль, как делали приверженцы старых обычаев. Они считали, что белые зубы годятся лишь для собак. Николь приветственно махнула рукой, но занавеска задернулась, скрыв женщину из виду.

Позади раздался голос; Николь круто развернулась, но это был лишь продавец жареных овощных рулетиков. В воздухе повис запах угля от жаровни. Глянув на противоположную сторону улицы, Николь увидела молодого человека, который неотрывно следил за ней. У него было характерное для вьетнамцев широкое лицо, густые брови и темные глаза с узким разрезом. Она кивнула ему и вставила ключ в замочную скважину, но не успела Николь зайти внутрь, как парень подошел ближе.

– Теперь ты тут за главную? – спросил он, демонстрируя щербинку в передних зубах.

– Я.

Его черные волосы топорщились во все стороны. Он стоял босиком, одетый в темный *аобаба*, традиционный мешковатый костюм сельских тружеников.

– Тебе так больше идет. – Он прикоснулся к рукаву Николь.

Она фыркнула и глянула на свою одежду.

– Ты следил за мной?

Парень склонил голову набок и скрутил сигарку.

– Возможно.

Николь отвернулась и почувствовала, что он отошел. Парень держался надменно, и ей вдруг в голову пришла мысль, что, возможно, к его появлению причастна Сильвия, говорившая о безопасности. Николь обернулась, но он уже скрылся в толчее уличных торговцев, которые предлагали сладкие рисовые пудинги.

Оказавшись внутри магазина, Николь окинула взглядом запылившиеся нижние комнаты, подмечая покрытые пятнами бревна, старинные резные узоры и полы с темным кафелем. Большинство комнат, разделенных декоративными деревянными решетками, не создавали уединенности. Николь еще не обсуждала этого с семьей, но она хотела не только управлять магазином, но и жить здесь. Она беспокоилась, что ее отъезд потрясет родных, но наконец она получит долгожданную свободу. Здесь она станет самой собой, Сильвия не будет дышать ей в спину, а отец говорить, что делать и как думать.

Наверху неприятно пахло плесенью, но, осмотрев шелк, хранившийся в оцинкованных деревянных сундуках, Николь с облегчением обнаружила, что ткань не пострадала. Сундуки были заперты, и только у нее имелись ключи.

Николь открыла ящик старого комода. Предыдущие жильцы оставили здесь всякий хлам, и она сгребла его в мешок. В нижнем ящике обнаружился старый кошель, покрытый пылью. Николь хотела его выбросить, но решила сначала встряхнуть. Во все стороны полетела пыль, Николь закашлялась, но тут заметила, что это была шелковая вещица ручной работы с вышивкой. Вьетнамский антиквариат, потускневший от времени и слегка потрепанный, но изысканно украшенный изображением мифического существа. Николь провела по кошелю пальцами, зная, что на ее ладони лежит прошлое. Она перевернула вещь, чуть ли не слыша голос его владельца. Прижала к груди, ощущая себя частью чего-то особенного. Целой истории шелка и истории вьетнамского народа – как и ее собственной, вплетенной в этот маленький кошель.

Ее отец был французом, кухарка – француженкой, сестра пусть и смешанных кровей, но обладала французской наружностью. Николь понимала, как мало внимания уделяет вьетнамской стороне своей жизни. Родители ее матери отказались от дочери, когда та вышла замуж за француза. Николь никогда с ними не виделась и даже понятия не имела, где они живут. Французы так долго господствовали во Вьетнаме, что Николь всегда стеснялась своей внешности, считая, что подвела семью. Она в совершенстве владела вьетнамским и сожалела лишь, что не может пообщаться с матерью. Что до общества, членов семьи Дюваль считали бы исключительно французами, если бы не внешность Николь.

Она вычистила верхний ящик, завернула кошель в шелковый лоскут и аккуратно вернула вещицу на место. Несколько часов кряду Николь подметала, протирала пыль и мыла полы. Наконец она отряхнулась от грязи. Ей удалось избавить помещение от запаха котов, но не от едкой растительной гнили. Николь пообещала себе принести в следующий раз листья ши, которые устранили бы в магазине неприятный запах. Пот лился с нее ручьем, но результат стоил усилий. Переходя из комнаты в комнату, Николь убирала чехлы с мебели темного дерева с перламутровой инкрустацией, потом сняла покрывало с бархатной кушетки.

В прохладной темной комнатке в глубине дома, с окнами во внутренний двор, Николь обнаружила алтарь с благовониями и гнилыми зелеными плодами манго. Девушка навела порядок и там. Открыла окно, позволяя воздуху циркулировать, потом на несколько мгновений

замерла. Хотя Николь не верила в Бога, но в этом месте ощутила умиротворенность, словно пришедшую от многих поколений.

День клонился к вечеру. Стоило жару достичь пика, и ты уже мечтал о прохладе сумерек. Николь предавалась фантазиям о ванне с пеной, желая смыть с себя запах котлов, когда вдруг завопил петух. Николь вскинула голову и увидела парня, которого встретила ранее, – теперь он пялился на нее из окна. Он ослабил шарф на шее, обнажая краешек фиолетового пятна, похожего на родимое.

– Почему ты здесь? – возмутилась Николь, выйдя во двор.

– Тот выюнок приносил пользу. Чтобы скрыть от глаз лишнее.

Парень постучал по носу.

– Понятия не имею, о чем ты.

Он достал коробок спичек и, сделав глубокий вдох, прикурил сигарету.

– Как тебя зовут?

– Можешь называть меня Чан.

– Ладно, Чан, если так тебя зовут. Лучше уйти, пока я не вызвала полицию.

– Вскоре я тебе понадобится. – Парень широко улыбнулся, снова сверкнув щербинкой между зубов. – Вьетминь уже здесь, в Ханое.

– Что об этом может знать пастух бизонов!

Парень откинул с глаз челку, поклонился и перешел на другую сторону улицы.

Николь хотелось поскорее вернуться домой и принять ванну, но она нырнула обратно в магазин и еще немного последила за улицей сквозь щелки жалюзи. Мимо проехала вереница военных машин – редкое явление в старом квартале. Казалось, что в город прибывает все больше французских солдат. На противоположной стороне улицы бабуля тащила упирающегося ребенка к кадке с водой, которую поставила на узкой улочке. Она погрузила ребенка в воду и стала натирать ему спину. Николь улыбнулась.

Здесь, в старом квартале, жизнь царилась прямо на улицах. Николь это нравилось. Все казалось искренним. В поле зрения появился разносчик чая, балансируя бамбуковым шестом на плечах, по длине которого позвякивали крошечные жестяные чашечки, трубки и заварные чайнички, создавая целую мелодию. Вьетнамский паренек Чан остановился поговорить с ним. Николь улучила момент и, выскользнув из магазина, наспех заперла дверь и убежала.

Завернув за угол, Николь миновала старую вьетнамку, которая вещала на все четыре стороны.

– Да французам плевать! – выкрикивала она.

Николь замедлила шаг.

– Моя соседка говорит, что был взрыв, – сказала женщина помоложе. – Неподалеку отсюда. Она узнала от торговца пирожками. Вы слышали это?

– Нет, но мой племянник говорит, что об этом судачат по всей округе.

Вторая женщина понизила голос. Николь не разобрала ее слов, но поняла, что обе верили, будто Вьетминь подошел ближе к Ханую, чем все думали. Как и сказал ей тот вьетнамский парень.

Все снова говорили о взрыве. Отец заверял, что никакого взрыва не было, даже показал газету с опровержением. Николь охватила тревога. Многие до сих пор сохраняли верность французам, но она уже не знала, кому верить. Подслушав разговор женщин, она занервничала. Похоже, ситуация куда серьезнее, чем считают ее родные.

Глава 7

Марк и Николь проезжали озерные заводы, когда она указала на ковер из благоухающих цветов розового и белого лотоса на поверхности воды. Девушка выбралась из коляски велосипедистки, позабыв о своих тревогах насчет старого квартала. Такое счастье наполнило ее сердце, что и страх перед крохотной лодкой померк. Слепой попрошайка на берегу не обратил на них никакого внимания, а через несколько минут они нашли человека, заправлявшего здесь прокатом лодок. Он курил и пил кофе возле кромки воды, стоя на деревянной пристани. Мужчина демонстративно посмотрел на часы, когда Марк обратился к нему, и согласился дать лодку напрокат, только когда ему пообещали еще несколько долларов.

Солнце стояло высоко над горизонтом, а поскольку Николь забыла шляпу, Марк одолжил ей свою соломенную. Сам он был в накрахмаленной белой рубашке, на фоне которой его кожа сияла, Николь же облачилась в спортивное платье ярко-синего, словно оперение зимородка, цвета.

– Возможно, не слишком хорошая затея явиться сюда на каблуках. – Она нервно хихикнула, когда лодочник передал ей подушку. Николь устроилась поудобнее. – Следовало обуть балетки.

Марк засмеялся:

– Все хорошо.

Забравшись в лодку, он закатал рукава и взялся за весла. Лодка отошла от причала. Солнце золотило светлые волоски на руках Марка. Он провел детство на свежем воздухе и вырос атлетичным мужчиной. Вспомнив, как быстро он среагировал на опасность, когда схватил за горло Даниэля Жиро, Николь поняла, что простым офисным работником ему не бывать. К тому же лучше не переходить дорогу такому человеку. Правда, какая ей разница? Об этом следовало подумать раньше, пока она не увлеклась им так сильно. Николь украдкой улыбнулась. Разве у нее был выбор?

Когда они добрались до середины озера, Марк перестал грести и улыбнулся Николь:

– Ты счастлива?

Она кивнула и взглянула на озерную гладь, покрытую розово-золотистыми искрами.

– Обычно так поздно сюда не пускают.

– Мне хотелось побыть здесь с тобой вдвоем, пусть лишь несколько минут. В детстве я любил доплывать на закате до середины озера.

– Как романтично!

– В двенадцать лет я об этом не думал, – улыбнулся Марк.

– Тогда зачем?

– Знаю, что не всегда выражаю свои чувства так, как хотел бы, но я словно переносился в другой мир. После смерти матери я замкнулся в себе и только на озере становился ближе к ней.

Озеро мерцало, как и сам воздух. Небо окрашивалось в бледно-желтый цвет, перетекавший в соблазнительно ярко-розовый. Марк правильно говорил – сейчас повседневный мир Ханоя исчез, звуки казались далекими и приглушенными. Николь слышала лишь тихий плеск воды и пение вечерних птиц, которые пикировали на воду. Темные силуэты деревьев окружали озеро, и не будь рядом Марка, ею овладела бы тоска. Николь впитывала взглядом каждую деталь, и этот светящийся мир полностью погрузил ее в состояние неземного спокойствия. Поймав гармонию с озером, деревьями, птицами, а главное, с Марком, она позволила себе расслабиться.

Несмотря на упоминание о матери, Марк полностью владел собой, и не только – он управлял этой лодкой, озером, да и самим вечером. Его улыбающееся лицо в лучах закатного солнца идеально вписалось в романтическую картину. Николь вдруг заволновалась.

– Я не хочу уплыть отсюда, – сказала она. – Но может, нам стоит вернуться, пока совсем не стемнело.

– Не беспокойся. Еще есть время. Не поддержишь весла? Я взял с собой фотоаппарат и хочу сделать снимок.

Он передал ей весла и достал из небольшой сумки фотоаппарат. Потом поднялся, сохраняя равновесие, но Николь не на шутку заволновалась. Страх воды так и не покинул ее с тех пор, как они с Сильвией отправились одни на Ароматную реку.

– Тебе не нужно грести. Просто хочу запечатлеть момент, будто ты гребешь. Можешь чуть наклониться вперед?

– Думаешь, я не умею грести? – засмеялась она. – Еще как умею.

Она сделала резкий жест, будто собиралась взмахнуть веслом. Лодка качнулась. Марк потерял равновесие, резко сел, и, растерявшись, она подалась к нему и выпустила из руки весло. От нелепости ситуации Николь стало стыдно.

– А вот это что-то новенькое, – засмеялся Марк.

– Прости!

С одним веслом они могли лишь крутиться на месте. Марк попытался позвать лодочника, но безуспешно. Он снова встал, намереваясь опуститься на колени и перегнуться через борт, чтобы поймать потерянное весло, которое застряло в цветках лотоса. Держа в руке фотоаппарат, он двигался слишком быстро. Лодка качнулась, Марк потерял равновесие и, в мгновение ока перемахнув через борт, плюхнулся в воду. На миг она окаменела, но тут же закричала. Довольно быстро стало ясно, что с ним все в порядке. Когда Марк забрался обратно в лодку и потрянул головой, Николь рассмеялась.

– Эй! Ты же брызгаешь на меня!

Его белая рубашка промокла, став практически прозрачной, и Николь видела каждый мускул предплечий и груди. Девушка слотнула. Еще никогда она не испытывала такого желания, от которого колотилось сердце и прерывалось дыхание. Несколько секунд они смотрели друг на друга, не в силах заговорить. Николь отвела взгляд, смущенная интимностью момента.

Она заметила, что фотоаппарат лежит на дне лодки, а не плавает в озере, и подняла его. Улыбнувшись, Николь сделала снимок Марка, с которого все еще стекала вода. Они немного подождали, но солнце уже село за горизонт, а лодочник не появлялся. С Марком Николь чувствовала себя в безопасности, но задрожала, вспомнив холод и темноту реки, в которую упала в детстве.

– И?... – произнесла она. – Что теперь?

Марк пожал плечами.

– Вода ледяная!

– Так тебе и надо, нечего хвастаться.

Николь уловила на озере огонек, затем услышала, как весла рассекают воду. Они с Марком обернулись. К ним приближался попрошайка, которого она считала слепым, с запасным веслом.

* * *

Обе сестры пользовались ванной комнатой на втором этаже. Она была выкрашена в белый цвет и отделана сияющей аквамариновой плиткой. Одна сторона всегда пребывала в идеальном порядке, другая была завалена заколками, шпильками, лентами для волос и баночками крема для лица. На стене висело огромное зеркало ар-деко, черно-белый кафель покрывал пол, а из окна виднелись листья тропических растений.

Сильвия настояла на том, чтобы поставить тут два отдельных бамбуковых шкафа, чтобы вещи девушек не перемешались, правда, Николь обычно и не заботило содержимое ящи-

ков сестры. На этот раз, набирая ванну, она провела ладонью по полкам Сильвии: на нижней полке нашла универсальный жирный крем, очищающее масло, лосьон для кожи – все от «Эсте Лаудер», а наверху многочисленные бутылочки шампуней и мыло. Среди красивых флаконов с духами стояли любимые духи Сильвии «Кёр Жойе» от Нины Риччи. Будучи не такой высокой, как сестра, Николь встала на цыпочки, чтобы дотянуться до них. Она аккуратно сняла флакон и, открутив крышку, нанесла пару капель за ушами. Возвращая духи на место, Николь нащупала кое-что еще. Она достала небольшую коробочку, в которой лежали два пузырька с таблетками с надписями «Бензедрин» и «Декседрин», оба выписаны на имя Сильвии. Но почему она принимает лекарства? Насколько Николь знала, эти средства являлись амфетаминами. Она вдруг заволновалась. Может, сестре нездоровится?

Николь вернула таблетки на место, затем погрузилась в чудесную горячую ванну, чтобы понежиться и помечтать о Марке. Ее душу наводнили незнакомые чувства. Она была счастлива и взбудоражена. Больше всего радовало, что, пригласив ее на озеро, он поделился с ней чем-то сокровенным. Она влюблялась и сама не могла поверить, что это происходит.

Николь вытерла волосы полотенцем, потом задумалась о Марке, ковыряя ногтем краску на дверном косяке. В дверь постучали, и вошла Сильвия.

– Что такое? – спросила Николь.

Сестра прошла к темному квадрату окна.

– Я закрою ставни? Не люблю черных окон. Они наводят на мысли о смерти.

Николь пожала плечами, но знала, о чем говорит сестра. Так же и с отражением луны на поверхности воды – когда вся жизнь кажется опрокинутой. Порой Николь даже не выглядывала ночью во двор, потому что боялась привидений в глубине сада, которые могли прятаться за деревьями, а в шуршании листвы на ветру ей чудились голоса умерших.

– Боишься, что за тобой придут призраки?

– Призраков не существует.

– Это ты рассказала мне про тела, которые здесь захоронили японцы.

– Тела и призраки – разные вещи.

Николь засмеялась, расчесывая влажные волосы.

– У тебя никакой фантазии.

– Известно, что японцы в конце войны расстреливали французов. Некоторые могут быть захоронены именно здесь.

Закрыв ставни, Сильвия повернулась спиной к окну. Она словно о чем-то размышляла, обводя комнату взглядом. Передала Николь белый махровый халат и улыбнулась:

– Пойдем в твою спальню.

Николь уже разобрала завалы книг на полу, но с трюмо беспорядочно свисали стеклянные бусы, а на тумбочке осталась открытой красная губная помада. Пудреница лежала там, где и упала, – в рукомойнике. Рядом с кроватью валялась мятая одежда.

Сильвия подняла пудреницу, и в лицо ей вылетело облачко, заставив чихнуть.

Николь заулыбалась.

Сильвия стерла с лица пудру.

– Очень смешно... Но я хотела поговорить с тобой о магазине. Стоит подумать о твоём будущем.

Николь скорчила рожицу:

– Как, например, о браке с приличным вьетнамцем?

– Папа не это имел в виду.

Николь внимательно посмотрела на сестру, желая рассказать ей о поездке на озеро с Марком, но что-то заставило ее передумать.

– Ты всегда знаешь, как обходиться с папой, ведь правда?

Сильвия слегка покраснела и улыбнулась.

– Насчет магазина. Если у тебя все получится, ты сможешь неплохо заработать. Ведь ты настроена серьезно, да?

– Конечно. Я уже начала наводить там порядок.

– А не хочешь ли ты закончить свою учебу?

Николь покачала головой:

– Не понимаю, каким образом, если я буду управлять магазином.

– Верно. Лучше сосредоточиться на магазине. Папа все поймет.

– Я с нетерпением жду открытия. Сильвия, но почему ты принимаешь лекарства? Я случайно наткнулась на них в ванной.

– Ты рылась в моем шкафчике? – нахмурилась сестра.

– Для чего они? Ты больна?

Сильвия замешкалась.

– Просто головные боли и усталость.

Николь кивнула. После прогулки с Марком понемногу улеглась ярость из-за раздела семейного дела, и она посочувствовала сестре.

– Неудивительно. Ты берешь на себя такую ответственность.

Легкий бриз из открытого окна распахнул муслиновые занавески, по комнате пробежал ветерок.

– Что с домом в Хюэ? – спросила Николь. – Выставлен на продажу?

– Папа нанял человека, чтобы следить за продажей. Он будет жить в доме.

– Что ж, я очень хочу сделать магазин прибыльным.

– Рада этому.

– А ты знаешь что-нибудь про покушение в бамбуковой роще? – вдруг спросила Николь.

Сильвия кивнула:

– И вероятно, покушения будут еще. Правда, решишь Вьетминь выступить всерьез, уже были бы жертвы.

* * *

Той ночью Николь опять не могла уснуть. Она открыла ставни и смело посмотрела в темноту, ожидая увидеть призраков. Стояла полная луна, но в саду царил умиротворенность, каждый листик и каждая травинка светились серебром. Воздух был пропитан густыми лесными ароматами, сладкими, как сироп. Николь вспомнила слова парня у магазина. «Вскоре я тебе понадоблюсь». Что за ерунду он говорил? Никто не верил, что они проиграют Вьетминю – французская армия численностью значительно превосходила повстанцев, все это твердили. Но в голове не затихал голос – а что, если все ошибались? Николь слышала, как отец обсуждал подпольную сеть в порту Хайфона. Дорога от Хюэ до Ханоя – пятьсот семьдесят километров, а Хайфон находился менее чем в ста километрах от них. Что, если Вьетминь уже в Ханое и их больше, чем все думают? «*Ând`ên óán tra*» – «Око за око, зуб за зуб». Что, если знакомый им мир вскоре изменится до неузнаваемости? Николь тряхнула головой. Как бы она ни жаловалась на отца и Сильвию, терять их ей вовсе не хотелось. И если случится самое страшное, кто позаботится о магазинчике шелка и молоденькой девушке смешанных кровей, со смелыми мечтами об успехе и любви?

Глава 8

Скворчала еда на плите, аппетитный пар наполнял воздух. Лиза громко подпевала старой французской песне по радио. Николь смотрела в кухонное окно. После прогулки на озере прошло несколько дней, но от Марка вестей не было. Наступал жаркий влажный сезон, солнце скрылось за облаками. Однако от вида буханки хлеба с золотистой корочкой все казалось светлее. Николь ковыряла кожуру вокруг ногтей и наблюдала за Лизой. Кухарка смолкла, чуть раскачиваясь и нарезая ароматный красный перец.

– Ты закрыла глаза? – спросила Николь.

– Думаешь, я могу резать с закрытыми глазами?

– Что ж, иногда в супе плавают что-то странное.

– Дерзкая девчонка! – Лиза кинула в нее полотенцем для посуды.

Николь пригнулась, потом снова вернулась к ногтям.

– Что у нас сегодня на обед?

– Кролик. Я сама его поймала. А почему ты еще не открыла магазин?

Николь пожала плечами:

– Сейчас во дворе красят, а на кухне генеральная уборка. Слишком стойкий запах может отпугнуть клиентов.

В дверь черного хода постучали. Лиза открыла, и Николь увидела мальчишку, который что-то передал кухарке. Та захлопнула дверь.

– Это для тебя. И кто же отправляет эти записки, бабочка моя?

Лиза передала ей конверт и села, скручивая сигарку.

Николь увидела на конверте свое имя и тут же встала, чтобы выйти из кухни.

– Тайное послание, да? – усмехнулась Лиза.

– Верно! – засмеялась Николь.

Выйдя в холл, она разорвала конверт и сперва глянула на подпись. Марк. Николь с радостью прочла о его предложении встретиться в «Ле Варьете» в четыре часа дня. «Это того стоит», – написал он. Она восторженно вскрикнула и побежала наверх, думая только о том, что надеть.

* * *

Без десяти четыре Николь расхаживала по тротуару возле «Ле Варьете», старейшего и не слишком дорогостоящего театра Ханоя. Чтобы не опоздать и не промокнуть, она села на трамвай, вместо того чтобы идти пешком, но дождь уже закончился, и небо прояснилось. Театр стоял на перекрестке, и от внушительных парадных дверей Николь открывалось каждое направление, откуда мог появиться Марк.

Внутри она не бывала, хотя папа иногда брал их с Сильвией во французский музыкальный клуб «Сосьете филармоник». К разочарованию отца, Николь не слишком прониклась той музыкой. После этого он взял ее на выступление гастролирующего французского театра, который ставил Мольера в Муниципальном театре, известном среди вьетнамцев как Западный. Это было красивое здание с арками и куполами, но этот визит не повторился, только разжег в ней любопытство. Больше всего Николь обожала ходить одна в прекрасный «Синема палас» с арочным входом, который стоял на вьетнамской улочке Чанг Тьен. Из последних фильмов ей понравились «Красные башмачки» и «Три мушкетера».

Папа любил слушать, как играет французский военный оркестр на площади рядом с озером. К счастью, сегодня его там не оказалось, и Николь, ожидая Марка, разглядывала цветочниц из деревни. Они ежедневно привозили товар, который грузили в огромные сумки, навью-

ченные на тощего ослика. Девушки по обычаю сидели вдоль дороги вокруг озера, окруженные пташками. Цветочный аромат одурманивал, и когда Николь сделала несколько шагов назад, то врезалась в парнишку на велосипеде, груженном десятками корзин для приготовления пельменей на пару. Он предложил ей купить товар, но она посмеялась и сказала, что она французка, на что он назвал ее *métisse* и сплюнул на землю. Николь огорчилась, но решила не портить себе день.

Вскоре Марк окликнул ее. Николь обернулась. Как же уверенно он держится, подумала она. Марк шел пружинистым шагом, свободно размахивая руками.

– Ты вовремя, как я погляжу. – Он широко ей улыбнулся.

– Я пришла рано.

– Выглядишь чудесно. – Он прикоснулся к ее волосам, убрав пару прядей от лица. – Мне нравится, когда у тебя распущены волосы.

Николь радостно улыбнулась. Перепробовав несколько вариантов, она решила надеть красное облегающее платье чуть ниже колен с широкополой плоской соломенной шляпой кремового цвета, которую теперь держала в руке. Она казалась себе изящной и знала, что в этом наряде выглядит взрослее.

Марк протянул руку, и Николь вновь испытала неземное счастье от такой близости.

– Идем?

Внутри театра глаза ее не сразу привыкли к темноте. Наконец она взглянула на старомодный музыкальный зал с красными бархатными сиденьями и масляными лампами на стенах, хотя, присмотревшись, поняла, что на самом деле они электрические. Тяжелый запах краски, пота и парфюма наполнил ее новым предвкушением.

Кровь побежала по венам быстрее, когда они прошли по центральному ряду. Мужчина, сидевший впереди, обернулся и позвал их:

– Идите скорее сюда. Вы принесли ноты?

Из-за кулис донесся стук. Уборщицы подметали и натирали полы, а в большом зале стоял шум. Николь замешкалась.

– Вы это мне?

– Нет, проститутке курата! Конечно же вам. Надеюсь, ваш голос работает лучше, чем голова.

Марк с иронией посмотрел на нее и наконец вмешался:

– Джерри, это Николь. Девушка, о которой я вам говорил. Боюсь, я держал ее в неведении, но она рассказывала мне, что умеет петь. Она уже опоздала на прослушивание?

– Прослушивание! – ахнула Николь, с недоверием глядя на него.

– Марк, твоим друзьям я всегда рад. Идем, дорогая, скажи, какую песню ты знаешь.

– Давай же, – проговорил Марк, не спуская с нее ярко-голубых глаз. – Будет хуже, если ты замрешь на месте.

– Или умру! – сказала она и выдернула руку.

А что, если она провалится? И над ней станут смеяться?

– Николь, это твой шанс, – прошептал Марк. – Не стоит его упускать. На сцену Ханоя вновь хотят вернуть музыкальный театр.

Звуки внешнего мира то появлялись, то исчезали. У Николь вспотели ладони. Она попыталась успокоиться, передала Марку шляпу и преодолела три ступеньки, поднимаясь на сцену. Как только она запела «I'll Be With You in Apple Blossom Time»⁸ без аккомпанемента, шум театра смолк вместе с отдаленным гулом города. Яркие прожекторы, кресла, работники – все слилось в размытое пятно. Голос Николь поднимался все выше и выше, пока она сама не превратилась в пушинку, сбросив с себя груз младшей сестры, окруженной излишней опекой, и

⁸ «Я буду с тобой, когда яблони зацветут» (англ.).

открыв новую грань личности. Она испытала невероятный подъем духа, купаясь в силе своего таланта, словно оказалась на своем месте. Николь замолчала, но внутри бурлили мощнейшие эмоции, грозившие вырваться наружу.

Джерри заплотировал, Марк подхватил, как, впрочем, и плотники, которые болтали до этого за кулисами. Николь поклонилась.

– Пока в этом нет нужды, – улыбнулся Джерри.

– Так у нее будет роль? – спросил Марк.

– Уверен, что смогу что-нибудь подыскать.

Марк передал Джерри записку:

– Это телефонный номер Николь.

Затем он прошел к сцене и со сверкающими глазами протянул к ней руки. Переполненная чувством благодарности, Николь прыгнула в его объятия, и Марк закружил ее на месте. Наконец он поставил девушку на пол, не спеша выпускать из объятий. Она слегка прильнула к нему. Теплые ладони поднялись чуть выше по ее спине. Марк разомкнул руки и отступил на шаг, однако между ними явно промелькнула искра. Николь знала, что обратного пути уже не будет. Он еще не поцеловал ее, но она не сомневалась, что ждать осталось недолго.

– Спасибо, – сказала она. – Огромное тебе спасибо.

Марк улыбнулся:

– Послушай, меня не будет несколько недель, но если ты не получишь вестей от Джерри через день или два, то вернись и напомни ему о себе.

Николь с улыбкой кивнула, не желая показывать разочарование. Ей придется прожить эти дни без него.

– Тебе осталось лишь придумать, как рассказать обо всем отцу.

– Нет! – ответила Николь. – Я ничего ему не скажу.

* * *

Неделю спустя, когда до июльского летнего бала в отеле «Метрополь» оставалось всего ничего, Николь проскользнула в комнату Сильвии, надеясь найти хотя бы намек на то, как будет выглядеть платье сестры. Девушка поискала в огромном дубовом шкафу, где Сильвия развесила наряды по цветам. Николь провела ладонью по красивым шелкам серых и бежевых оттенков, признавая свое поражение. Сильвия говорила правду: платья здесь не было. Вещи сестры отличались элегантностью, и раз уж выдался такой шанс, Николь примерила пару блузок с вышивкой. Как бы она ни вертелась перед зеркалом, но одежда на ней висела – Николь всегда отличалась от сестры миниатюрным телосложением. Девушка разделась, заглянула в ящик с нижним бельем Сильвии и нашла ее дневник. Пролистнула его, и оттуда выпал снимок платья. Вот же оно! Крой совсем не тот, который любила сестра, с декором, более дерзкий, но, когда дело касалось моды, Сильвия всегда шла впереди. Николь решила слегка изменить и свой наряд.

* * *

Позже, возвращаясь от портного, она увидела на тротуаре подгоняемые ветром листовки. Их оставляли под дверьми магазинов. Грубые карандашные рисунки, надписи на вьетнамском – Николь быстро поняла, что это пропаганда Вьетминя. С бумаги на нее смотрели радостные крестьяне, которые несли солдатам оружие и еду, а также перетаскивали на спинах или в носилках раненых. Николь сунула листовку в карман, чтобы позже показать отцу.

Старый квартал располагался треугольником, и Николь всегда возвращалась домой по знакомому маршруту, однако сейчас ей пришлось пойти другой дорогой. Закатное солнце золо-

тило черепицу на крышах домов, и те пылали огнем. Улицы преобразились. Впереди зажглись уличные фонари, на козырьки натянули брезентовые навесы на случай дождя, горели вечерние жаровни. Николь остановилась на мгновение, вдыхая соблазнительный аромат жареного цыпленка. Торговец в широкой рубаше и мешковатых штанах передал ей две порции, завернутые в листья. Прямоком со сковороды вок, сдобренное специями, блюдо было бесподобным на вкус.

Николь съела курицу, вытерла с подбородка жир и пошла дальше легкой походкой. Она сгорала от нетерпения примерить платье, которое будет переделано по образцу платья Сильвии.

На том снимке она увидела роскошную вещь из жемчужно-серого шифона, на сатиновом чехле, подол и горловину украшали шелковые розы, на драпировке красовался цветочный узор. В попытке повторить наряд Сильвии портной добавил на плечо полосу шифона, расширенного цветами. Платье цвета лайма имело ту же длину и глубокий вырез. По нижнему краю портной обещал пустить розы. Платье выгодно подчеркивало фигуру, и Николь рассчитывала произвести впечатление на Марка.

В приподнятом настроении она шла по незнакомой улице, пока не увидела то, что заставило ее остановиться. Замерла она не оттого, что увидела смуглокожую женщину в вульгарном платье, которое обтягивало круглые ягодицы идеальной формы и обнажало ногу, мелькавшую в разрезе сбоку, – слишком вызывающе даже на вкус Николь. Поразил ее человек, шедший рядом и обнимавший женщину за талию. Это был отец. Николь стала невольной свидетельницей того, как он зарылся лицом в декольте незнакомки, потом притянул ее к себе и поцеловал в губы. Николь ахнула и отвернулась. Какой кошмар! Она бросилась бежать, цокая каблуками. Конечно, после смерти жены отец проводил время с другими женщинами, подумала Николь, но неужели с проституткой?

Глава 9

Девушки восхищенно смотрели на полки с разложенным товаром. Солнечные лучи скользили по доскам пола, и У Лан предложила приготовить яичный кофе со сгущенным молоком. Добавить в кофе яйцо поначалу показалось Николь сомнительной идеей, но на деле она не пробовала ничего вкуснее. Густой, со сливочным вкусом и без малейшего неприятного привкуса, напиток напоминал карамельный крем с добавлением кофеина. Николь просто в него влюбилась.

В ожидании кофе она думала об отце. В сражении на севере Ханоя ранили много французов. Отца вызвали по делам, и это к лучшему. Они не виделись с того неприятного момента, когда она застала его с темнокожей женщиной. Сцена их поцелуя так и вспыхивала перед внутренним взором Николь.

Покраска наконец закончилась, и Николь распахнула двери магазина, решив переключиться с мысли об отце на покупателей.

У Лан варила кофе на небольшой кухоньке в дальней части магазина. Через темные комнаты Николь прошла до залитого солнцем двора, когда ее настиг сладковатый аромат горячего молока.

Через несколько минут вышла У Лан, неся две кружки:

– А вот и кофе.

Николь передала ей бумажный пакет с крошечными пирожными, которые купила у отца Иветты.

Девушки присели на невысокую перегородку возле колодца, наслаждаясь теплом и спокойствием. Воздух пропитался мятными нотками, крыши домов окутывала золотистая дымка. Начало дня, когда многие обитатели старого квартала еще предавались сновидениям, казалось волшебным временем.

У Лан напевала вьетнамскую песню, трогательней которой Николь не слышала. Ее соседка обладала необыкновенным голосом.

– Что это? – замороженно спросила Николь, когда девушка замолчала.

– Народная вьетнамская песня. Их много. Тебе понравилось?

– Очень отличается от французского звучания. Научишь меня?

– Конечно.

– А может, сейчас, если у тебя есть время? Открывать магазин еще рано.

Они поднялись в комнату над торговым залом и встали как можно дальше от окна. Николь не сразу взяла высокие пронзительные ноты, опасаясь, что над ней будут смеяться. Она и не догадывалась, что возле стены дома собрались местные жители, и поняла это, только когда с улицы раздались аплодисменты.

* * *

На следующий день в магазин позвонил Джерри: она получила роль в шоу «Ле Варьете». Эйфория накрыла Николь с головой, но в следующий миг она поняла, что придется рассказать все отцу и Сильвии. Ведь ей придется ходить на репетиции, она не сможет постоянно таить от них эти вылазки.

На лазурном небе таяли воздушные облака, на горизонте потемнело, собирались грозовые тучи. Николь бросила взгляд на противоположную сторону улицы, где продавали аппетитную кукурузу в карамели. Она рано закрыла магазин и направилась к У Лан узнать, пойдет ли та с ней. Мужчина, жаривший кукурузу, хотел зажечь сигарету, прикрыв ладонями пламя, но поднялся ветер. Мимо прошла сгорбленная старуха с морщинистой и белой, как бумага,

кожей. Она улыбнулась мужчине, демонстрируя беззубые десны. Из магазина выбежала стайка хихикающих девчонок. При виде этих стройных, изящных созданий трудно было представить себе, что некогда старушка выглядела так же.

У прилавка У Лан не оказалось, и Николь прошла сквозь распашные двери резного дерева в другую комнату, окликая девушку. Единственный цветок лотоса в крошечной вазочке украшал стол по центру. На тумбочках стояли каменные статуэтки и керамика, под потолком медленно вращались четыре медные лопасти огромного вентилятора. Прозрачные шелковые занавески легонько покачивались на ветерке.

Услышав странный звук, Николь вышла во двор. Фасад дома оплел вьюнок с оранжевыми цветами. Стоило ей подойти ближе и притронуться к листьям, как хлынул дождь. Николь взглянула на тучи, затмившие солнце, и шагнула под навес. Замерла, зачарованно глядя на стену воды.

Сквозь шум дождя она услышала другой звук, похожий на мяуканье, но издаваемый человеком. Пройдя дальше, в комнате, смежной с кухней, она увидела мать У Лан, Ким Ли – крохотную вьетнамку в традиционном наряде аодай и с забранными в пучок волосами. Женщина обмякла на стуле, бледная как привидение. Она выглядела как мертвая. Николь нащупала пульс, потом отпустила руку с тонкой, как бумага, кожей и проступающими венами: жива, слава богу, но пульс был слабым и неровным. Что же делать? Она знала, что у Ким Ли проблемы с сахаром в крови. Когда уровень поднимался, наступало опасное для жизни состояние, а когда падал, можно было потерять сознание. Николь тщетно пыталась привести женщину в чувство, после чего направилась на кухню, где нашла на столешнице банку меда рядом с маленькой бронзовой статуэткой Будды. Раньше она не задумывалась о том, что У Лан буддистка, хотя повсюду во Вьетнаме стояли храмы.

Николь уже видела, как У Лан кормила мать сладким из ложечки, и теперь решила по капельке напоить старушку медом. Сперва ничего не происходило. Мед медленно стекал по подбородку. Но вот Ким Ли сглотнула, а через несколько секунд пришла в сознание.

– У Лан? – проговорила она.

– У Лан скоро придет. Нужно, чтобы вы встали. Держитесь за меня.

Николь помогла женщине подняться со стула, но та споткнулась и позвала дочь. Не зная, следует ли уложить старушку в постель, Николь сперва попробовала провести ее по коридору, а в итоге почти протащила на себе до кушетки. Щеки Ким Ли порозовели, и Николь решила, что ей стоит отдохнуть. Пока она ждала У Лан, то все время беседовала с ее матерью, чтобы та снова не отключилась. Попозже дала еще меда. Но сколько нужно, Николь понятия не имела.

Ким Ли выглядела усталой и более хрупкой, чем всегда. Через полчаса она уснула. Николь встала перед выбором – позвать травника с соседней улицы или позвонить семейному доктору Дюваль. В доме У Лан не было телефона, так что в любом случае пришлось бы уйти. Охваченная тревогой, Николь поднялась и прошла к двери, высматривая У Лан.

Между магазинчиками и воротами храмов с облупившейся краской группками стояли мужчины в конических бамбуковых шляпах, поедая вареный арахис и спасаясь от дождя, а женщины все так же продавали на тротуарах чай и суп с капустой и лапшой. Николь заметила У Лан чуть дальше по улице – девушка пряталась от непогоды в дверном проеме. Она разговаривала с молодым вьетнамцем. Кажется, его звали Чан.

Он коснулся руки У Лан и указал на Николь, которая делала призывные жесты. Оба бросились под ливень и устремились к ней, огибая торговцев. Когда они нырнули в магазин, Николь объяснила, что произошло и как она пыталась помочь.

У Лан кинулась к матери, проверила пульс и коснулась лба.

– С ней все в порядке.

– Слава богу, – облегченно вздохнула Николь. – Я уже не знала, что мне дальше делать.

– Я даже не могу выразить, как тебе благодарна.

- А ей не нужно к врачу?
- Отведу завтра в больницу. Сейчас ей нужно отдохнуть.

Николь с удивлением посмотрела на парня, который придвинул стул и погладил женщину по голове.

- Чан мой кузен, – объяснила У Лан.
- Рада, что твоей матери лучше. Дай знать, если я чем-то могу помочь.
- Оставайся с нами на обед. Покажу тебе верхние комнаты.
- Я бы не хотела вам мешать, – с улыбкой сказала Николь, но знала, что это честь – быть приглашенной в самое сердце вьетнамского дома.

Пока Чан сидел с Ким Ли, У Лан провела Николь наверх и показала семейный алтарь предков. Потом они прошли сквозь несколько соединенных между собой комнат, разделенных ширмами с ажурной резьбой, и остановились на верху лестницы, похожей на ту, что была в ее доме. Дождь утих, и воздух наполнился цветочными ароматами. Николь сделала глубокий вдох, желая сохранить в памяти этот волшебный момент.

- Надеюсь, тебе нравятся бан хео⁹, – сказала У Лан.
- Ни разу не пробовала.
- Это что-то вроде хрустящих блинчиков. Мы подаем их *crau sông*.
- А это что значит?
- С цветками банана и листьями гуавы.
- Наверное, очень вкусно.

* * *

Николь решила, что по возвращении домой отдаст отцу найденную листовку и расскажет о спектакле. Он задерживался, чему она даже радовалась. Разве можно вести себя по-прежнему после того, как она видела его с той женщиной? Как смотреть ему в глаза? Лиза вышла в сад с бокалом вина и сигаретой, и Николь присоединилась к ней.

- Сегодня я ела бан хео, – сказала она.
- Правда?
- Николь кивнула.
- Тебе понравилось?
- Да.

Лиза скорчила гримасу:

- Не переносу вьетнамскую еду.

Газоны стояли в обрамлении диких цветов, вокруг ароматных кустов роились насекомые. Раскачивались ветви деревьев, а желтое солнце золотило листья, подчеркивая тени.

– Разве здесь не чудесно? Лиза, а ты помнишь, как я падала с качелей, которые висели на смоковнице в Хюэ?

Лиза улыбнулась, глядя на чернокрылую птаху, которая пролетела у них над головой и приземлилась на верхнюю ветку дерева.

- А помнишь тот раз, когда я порвала праздничное платье?
- Да, а еще нам пришлось вызывать врача, когда ты сломала ногу.
- Ты просидела со мной всю ночь.
- Каким же ты была сорванцом, – сказала Лиза. – Постоянно получала синяки или царапины.

- Лиза, а что, если Вьетминь одержит верх и нам придется уехать?
- Разве ты не слышала отца? Вьетминь никогда не одолеет французскую армию.

⁹ *Бан хео* – популярные во Вьетнаме хрустящие рисовые блинчики с начинкой. «Бан» означает «торт», а «хео» – шипение.

- Полагаю, ты права. – Николь помедлила, вдруг затосковав. – Я так мало знаю о матери.
- Лучше спроси о ней у отца. Она была хорошей женщиной, мне она очень нравилась.
- Он не станет говорить о ней.
- Ты очень на нее похожа.
- Правда? – улыбнулась Николь.
- Во многом. Она была полна жизни, совсем как ты. Сильвия на нее не похожа.
- Вьетнамцы говорят, что если ты не знаешь предков, то ты ничем не лучше вора.
- Какие у них бывают нелепые присказки, – засмеялась Лиза.

Глава 10

Шпилька выскочила из ее пальцев и стукнулась о пол. Николь наклонилась за ней и сломала ноготь о доски пола. Стояло начало июля, со свойственной ему жарой и влажностью, с ежедневными дождями и духотой, а улицы пестрели от красных цветов. Николь рассказала отцу про выступление, и после уговоров он нехотя дал разрешение. Но когда она передала ему найденную листовку Вьетминя, он просто разорвал бумагу надвое.

Они с Марком не виделись почти четыре недели, и Николь места себе не находила, предвкушая встречу. Хотя сейчас ей следовало успокоиться. Она решила подровнять ноготь позже, а сперва привести в порядок прическу. Николь села на край стула, чуть вспотев от волнения. Только не хватало красного лица, сломанного ногтя и растрепанных волос. Ну почему они такие густые и прямые. Если бы хоть немного вились, как у Сильвии... Николь попыталась вновь их заколоть, но сдалась и бросила шпильки на пол. Потом принялась с остервенением расчесывать их, пока те не начали блестеть, нанесла на щеки румяна, а на губы бледно-розовую помаду.

Николь прошла к зеркалу, взглянула на себя в полный рост и нахмурилась. Она всегда сомневалась насчет нарядов. Не слишком ли вызывающи эти красные розы, пришитые к зеленовато-желтому платью? И розовая помада! Николь немедленно стерла ее с губ.

В дверь постучали.

– Ты готова? – сказала Сильвия, входя в комнату. – Машина уже здесь.

Николь уставилась на сестру, едва сдержав крик.

Сильвия облачилась в простое жемчужно-серое платье из шифона, без цветочной драпировки. Выглядела она как воплощенный идеал.

– Ну что? – Она потерла ладони. – Готова?

– Но...

– Что такое? – сказала Сильвия, изображая невинность.

– Твое платье. Я думала...

Сильвия засмеялась.

Николь почувствовала, как отяжелели веки. Только не плакать! В сравнении со сдержанной элегантностью сестры она выглядела глупой и расфуфыренной.

– Зачем ты пытаешься разрушить мою жизнь?

Сильвия убрала с глаз выбившуюся прядь:

– Не устраивай мелодрам. Это просто шутка. Ты нормально выглядишь.

Николь раскинулась в кресле, царапая сломанным ногтем ладонь. Сестра подобрала слова, которые ранили сильнее всего. Кто бы хотел выглядеть «нормально»?

– Так ты идешь?

– Нет.

– Пойдем. Будут фотографировать, и я хочу, чтобы ты была на снимке.

– Чтобы рядом с тобой я выглядела ужасно?

Сильвия запрокинула голову и рассмеялась:

– Ты ведешь себя нелепо. Я же сказала: это просто шутка.

Николь подняла голову. Сильвия все еще смеялась. Николь подумала, что та может часами наблюдать за тем, как она выставляет себя дурочкой.

– Ты ведь всегда винула меня, да?

– В чем? – спросила Сильвия.

– Сама знаешь.

– Николь, я была ребенком. Пятилетней девочкой, которая потеряла маму.

– Уходи, – сказала Николь, не повышая голоса.

– Ты не так уж плохо выглядишь. Хочешь, я помогу с прической?

Николь не ответила.

Сильвия развернулась на каблуках и вышла, тихо прикрыв за собой дверь.

Настроение Николь упало ниже некуда. И дело не только в зависти. Триумф Сильвии оживил давно похороненное чувство неуверенности в себе. Николь выглянула в окно спальни – на бархатном небе появлялись серебристые точки. Ночь обещала быть великолепной.

Николь вспомнила тот день, когда они с Марком уплыли на лодке. На ее лице тут же появилась улыбка, и вернулось желание спасти этот вечер. Она сама виновата, что пыталась скопировать Сильвию, но это ее не сломит. Николь взяла маникюрные ножнички, решив переделать платье. Она очень старалась, но с шелком работать сложно, и по невнимательности она порезала ткань. Николь оторвала розу и бросила в стену. Она злилась на Сильвию, а на себя еще больше – за то, что так близко принимала все к сердцу. Николь расстраивалась не только из-за испорченного платья: оно лишь подчеркнуло разлад в их отношениях с сестрой.

В дверь постучали.

– Уходи! – крикнула Николь и откинулась в кресле, думая, что это опять Сильвия.

– Ты не пойдешь, *chérie*?

Николь повернулась и увидела в проеме Лизу. Когда кухарка подошла и обняла ее, Николь сглотнула слезы.

– Вытри слезы. И пойдем со мной.

– Я не могу идти в этом, – дрожащим голосом сказала Николь.

– Не можешь. Мы найдем тебе кое-что получше. Пора тебе понять, что не обязательно строить из себя француженку, чтобы быть красивой.

Николь улыбнулась, но такой уверенной себя не чувствовала.

* * *

Час спустя Николь остановилась на пороге бального зала, глядя на сверкающие люстры и зеркальные панели. Десятки дорогих ароматов смешивались с нотками белых роз, которые вместе с плющом оплетали колонны. Опрятные официанты разносили шампанское, оркестр у противоположной стены заиграл танго. Сначала Николь не могла пошевелиться, ощущая себя не более чем мраморной статуей в саду. Звуки музыки оживили ее. Она расправила плечи и неторопливо вошла в зал.

Николь явилась в самый разгар бала. Разглядывая женщин в сверкающих платьях, украшенных пайетками, жемчугом и стразами, она словно попала под чары этой роскоши, которая прогнала все тревоги прошлого. Кругом все искрилось от света и красок, среди аромата роз, во всей своей красе блистало французское колониальное общество. Николь ощутила, что эта ночь перевернет всю ее жизнь.

Чуть ранее, вытащив Николь из спальни, Лиза достала из своего шкафа невероятной красоты платье.

– Оно принадлежало твоей матери, – сказала кухарка и помедлила. – Шанель.

– Ты уверена? – Николь присвистнула.

Лиза кивнула:

– Думаю, оно тебе подойдет.

– Зачем ты сохранила его?

– Ваш отец привез его из Парижа еще до твоего рождения. Твоя мать надевала его лишь один раз. После ее смерти он не захотел оставлять никаких напоминаний, но разрешил выбрать что-нибудь из ее вещей на память. Я взяла это платье. Он продал все золотые украшения, иначе я бы выбрала колье. Недавно я заказала перешить платье. Думала подарить его тебе на Рождество.

Платье идеально село по фигуре, и Николь поразилась тому, насколько шикарно выглядит. Из алого шелкового поплина и красного шифона, оно было без рукавов, по тугому корсету спереди шла шнуровка, а юбка ложилась красивыми складками, расходясь от талии. Не веря своему счастью, Николь кружилась на месте и разглядывала наряд. Его простой крой и изящество были неподвластны веяниям времени.

– Посмотри, как оно подчеркивает твой цвет кожи, – сказала Лиза. – Видишь, какая ты красивая? Еще нужна красная помада и черный карандаш для глаз. Я заколю тебе волосы на китайский манер. Давай-ка возьмем красную розу от того ужасного платья.

Туфли на высоком каблуке довершили образ. Николь облачилась в классическое французское платье, но выглядела как восточная красавица.

Оркестр доиграл композицию. Зазвенели бокалы с шампанским, среди гула голосов слышался смех, кто-то восхищенно вскрикнул.

Николь посмотрела на французские окна, которые заменяли стену со стороны двора. Шторы были отодвинуты, открывая озаренный фонариками сад. Их сияние отражалось в центральных прудиках, создавая атмосферу волшебства. Она увидела одетого в черный смокинг Марка, который разговаривал с другим мужчиной. Его плечи казались еще шире, а волосы короче, правда, на глаза все равно упал завиток. Николь захотелось подбежать к нему и убрать этот завиток с его лица. Марк запрокинул голову и засмеялся в ответ на слова собеседника. Николь замешкалась. Неужели она вообразила себе, что нравится ему? В этот момент Марк заметил ее и перестал смеяться. Они молча смотрели друг на друга, после чего он похлопал мужчину по спине и направился к ней.

Пришел ее черед блистать, подумала Николь. Она ждала Марка с замиранием сердца.

– Дай-ка взглянуть на тебя. – Подходя ближе, он протянул к ней обе руки. – Ты ослепительна.

– Правда?

Николь взяла его за руки и растаяла от радости, увидев в его сияющих глазах восхищение и симпатию. Нет, она ничего не выдумала.

– Я волновался, что ты не придешь.

– Возникли проблемы с платьем, – еле вымолвила Николь.

Он поцеловал ее в обе щеки, и она прикрыла глаза, наслаждаясь каждым мгновением.

– Потанцуем? – предложил Марк. – Сейчас оркестр снова заиграет.

Когда мужчина взял ее под руку, Николь заметила в противоположной стороне зала Сильвию. Сестра смеялась в компании светловолосого офицера в белой с золотом форме. Николь заметила удивление на лице Сильвии и даже не попыталась скрыть триумф.

– Что ж, утенок превратился в лебедя, – сказала Сильвия, подходя к ним с широкой улыбкой на лице. – Не так ли, Марк?

– Она всегда была лебедем, – услышала его ответ Николь, хотя вряд ли он донесся до Сильвии.

В этот момент подошел фотограф из местной газеты и сделал снимок их троих. Сильвия позировала, демонстрируя безупречную улыбку, потом отвела Николь в сторону.

– Ты выглядишь чудесно, – прошептала сестра. – Прости за то, что случилось. Я не собиралась огорчать тебя. Правда, прости меня.

– Это уже не важно, – искренне ответила Николь. – Сама себя глупо повела.

Она вложила руку в теплую ладонь Марка. Он уверенно приобнял ее и направил в центр зала.

Стоило им сдвинуться с места, как у Николь закружилась голова, и она прильнула к Марку. В такой близости от его сильного тела она наконец расслабилась, даже не догадываясь, насколько напряжена. Они закружились в венском вальсе, практически не замечая никого вокруг. Лица слились в единое пятно, исчезла даже Сильвия, и в зале остались только они двое.

Ноги сами нашли нужный ритм, и Николь перестала думать о шагах. Все же уроки танцев она брала не зря. Она с восторгом отдалась чувствам, не веря своему счастью. Спустя три танца музыка стихла. Марк пристально посмотрел на Николь, отводя челку с ее лица.

– У тебя растрепалась прическа.

Он провел пальцем по шее Николь и улыбнулся. Марк вызвался поправить ей прическу, словно бы ненароком касаясь ее. Николь заулыбалась, тая от этих прикосновений.

– Хочешь пить? – Он развернул ее к себе.

У Николь и впрямь пересохло в горле. В комнате стоял дым, от танцев кружилась голова, а может, все дело в близости Марка. Он попросил подождать его и пошел за шампанским, а Николь тем временем прокручивала в голове каждое проведенное с ним мгновение. Мимо прошла ее французская знакомая с матерью. Николь улыбнулась, но женщины проигнорировали ее. Сейчас девушку это совсем не волновало. Сегодня она демонстрировала верх благопристойности французских манер.

Марк куда-то запропастился, и Николь решила его найти. Она осмотрелась по сторонам, взяла у проходившего мимо официанта бокал шампанского и, сделав большой глоток, вышла в гостиную.

Сигаретный дым смешивался с головокружительным запахом бренди, который распивали, сидя в креслах, двое пожилых мужчин. Николь искала Марка в других комнатах и барах, потом вернулась в бальный зал, где немного рассеялась толпа. Протолкнувшись через плотные группы гостей, она наконец заметила его – он открывал боковую дверь в противоположном конце зала. Николь пошла следом, но ее отвлекла Франсин, старая приятельница по школе. Она взяла Николь за руку и принялась болтать обо всякой чепухе. Девушка то и дело поглядывала на дверь, но Марк не появлялся, и лишь через несколько минут ей удалось отделаться от Франсин.

Наконец Николь добралась до двери и вышла в промозглый коридор. Она проследовала по дуге, ожидая выйти по этому тайному проходу к игровым комнатам. Но коридор изогнулся, и она оказалась перед единственной дверью. Крутая каменная лестница вела вниз. Николь замешкалась, и хотя ситуация казалась ей странной, она решила спуститься, ведь в этом направлении пошел Марк.

Металлический поручень немного спасал ситуацию, а когда Николь ступила на бетонный пол, то поняла, что находится под землей, в винном погребе. Она прошла еще немного по коридору, но, услышав приглушенные голоса, остановилась. Разговоры стихли. Николь миновала несколько альковов, два из которых вели к сводчатым помещениям, где хранились бочки и стеллажи с вином. Здесь она почти не слышала звуков оркестра, и в этом пространстве, напоминавшем пещеру, раздавалось лишь эхо ее шагов.

Николь стало любопытно, что находится в конце туннеля, и она дошла до ряда стеллажей, которые кто-то отодвинул. Нахмурившись, девушка потянула их на себя и увидела странную металлическую дверь с глазком по центру. Раздался скрип стульев по полу и приглушенный вскрик. Ладони Николь слегка увлажнились. Может, затея и не слишком хорошая. Свет и смех остались наверху. Стоило ей дожидаться Марка там. Снова вскрик. Николь задрожала от холода, царившего в этом коридоре. Почему она вообще решила сюда спуститься?

Девушка шагнула назад. В затылке стрельнуло, и она вытерла липкие ладони о платье. Николь хотелось вернуться наверх, но что-то ее остановило, и она вопреки собственной воле прильнула к глазку. Время замедлилось, стоило ей увидеть молодого вьетнамца, привязанного к стулу. Щербинки между зубов она не разглядела, но узнала в человеке двоюродного брата У Лан, Чана. Горло сдавило, и Николь с трудом удержалась на ногах. Она сжала руку в кулак и прикрыла им рот.

Николь не слышала, что говорил парень, но ему явно угрожали – он в отчаянии мотал головой, а в глазах застыл страх. Ее замутило, но она не могла оторваться. Из тени вышел

человек. Ноги чуть не подвели Николь, когда она узнала собственного отца. Он расхаживал по комнате, то пропадая из поля зрения, то появляясь. Николь уловила гнилостный запах – может, от мышей или крыс, – а следом услышала приглушенный стон. Запаниковав, она обернулась, подняла голову, посмотрела на узкие водопроводные трубы под потолком, затем вновь перевела взгляд на отца. Нечто чуждое появилось в его манере. В правой руке он держал пистолет. От потрясения Николь зажмурилась, стараясь отгородиться от ужасной картины.

«Нет, это неправда!» – уговаривала себя Николь.

Напряженная до предела, она заставила себя открыть глаза. Когда отец прицелился, Николь словно пронзило молнией. Мир замер. Отец нажал на спусковой крючок, и она мысленно услышала вскрик. Все закончилось за считанные секунды. Николь задрожала, увидев, как расширились глаза парня. Он всплеснул руками и обмяк, уронив голову на грудь. Взметнулась густая челка, будто сломанное крыло птицы. Из уголка рта потекла кровь, следом раздалось бульканье. Но как она могла это услышать? Неужели сознание дорисовывало картину? По центру груди парня растекалось багровое пятно. А ведь он двоюродный брат У Лан. Родственник ее новой подруги. Николь вспомнила, с какой заботой он гладил Ким Ли по волосам. Родственники любили его, но ее отец отнял у парня жизнь.

Николь пыталась различить среди шума в комнате отцовские слова, но он исчез из поля зрения. В памяти вспыхнуло слово «кукловод». Как отец оказался причастен к этому? От потрясения Николь испытала целый спектр эмоций. Мозг приказывал бежать, но она не могла сдвинуться с места. Ведь это ее отец. Он убил человека. Николь услышала скрип за дверью и, выйдя из ступора, отошла в тень ближайшего винного погреба. Там она обхватила себя руками и согнулась пополам.

Дверь открылась, выпустив запах крови. Первым вышел отец в сопровождении двух мужчин: один был одет в форму официанта, но больше походил на полицейского, а второй, блондин, чуть ранее беседовал с Сильвией. Они обменялись парой слов, потом скрылись из виду. Николь не заметила крови на одежде отца. Когда он успел переодеться? Она раскачивалась из стороны в сторону, желая оказаться в объятиях Лизы. Услышав шаги, Николь подняла голову. Появился еще один человек: отец Даниэля Жиро. Коренастый мужчина неприятной наружности с бледными водянистыми глазами, редящими седыми волосами, густыми бровями и огромными, надутыми в недовольстве губами. Николь знала, что он ненавидит вьетнамцев.

Но кто же избавится от тела? Она хотела выйти из тени – боясь, что увидит мертвеца, она желала поскорее сбежать. Что бы ни случилось, ей здесь не место. Никто не должен узнать, что она стала свидетелем убийства. Но когда из комнаты вышла Сильвия, Николь ахнула. Сестра была блее призрака. Казалось, она вот-вот расплачется. С ней рядом шел Марк, не менее потрясенный.

– О боже, – прошептала Сильвия. – Меня сейчас стошнит.

Никто из них не заметил притаившуюся в тени Николь, которая прекрасно видела, как трясет сестру.

– Зачем мы понадобились ему там? – спросила Сильвия.

– Полагаю, чтобы ты понимала, во что ввязываешься. – Марк подхватил ладони Сильвии, растирая их. – Какие же у тебя холодные руки. Я думал, что будет допрос. Не более. О таком я и понятия не имел. Надеюсь, теперь ясно, что мы на верном пути.

– Но это кошмар! Ужас!

– Теперь ты понимаешь, почему американцы так относятся к методам французов?

Сильвия прислонилась к стене и, выдернув ладони из его рук, закрыла лицо.

– Нам необходимо финансировать альтернативную партию Вьетнама, чтобы противостоять Вьетмину.

Сильвия опустила руки:

– Ничего не сообщая Франции?

– Верно.

– Но что с моим отцом? Он все знает. Разве это не пошатнет его положение в правительстве?

Сестра расплакалась. Кошмарно увидеть все через глазок, но находиться в комнате – в сто раз хуже. Марк положил руку на плечо Сильвии, а второй приподнял ее голову за подбородок, смахивая слезы. Он развернулся спиной к Николь и шагнул вперед, загораживая Сильвию. Николь не видела их лиц, но Марк чуть склонился над ее сестрой, будто целуя. Затем обнял.

– Пойдем отсюда, – сказал он.

Сильвия кивнула, и они пошли прочь. Марк вел девушку под руку. Они двинулись по коридору к лестнице, а воздух наполнялся густым и сладковатым запахом крови. Привычный мир Николь рушился на глазах.

Глава 11

Солнце уже поднялось над горизонтом, озаряя все кругом яркими лучами. Николь сидела возле окна и смотрела в одну точку до тех пор, пока не заболели глаза. Прошлым вечером она ускользнула с бала, слишком потрясенная увиденным. Всю ночь пыталась забыть то, что произошло. Свернулась в клубок, задыхаясь от потрясения. Из груди рвались наружу сдавленные всхлипы. Перед глазами Николь стояла кровь. Девушка сжала руки в кулаки и заслонила ими глаза. Мир закружился. Красный. Ярко-красный...

Она опустила руки, затем выбралась из постели, и, чтобы унять душевную боль, ударила кулаком по стене.

На улице стояла жара и духота, однако Николь жутко хотелось сбежать из дома.

Она умылась, набросила на себя первую попавшуюся одежду и побежала на кухню. Лиза стояла спиной к двери и помешивала что-то на плите, но, заслышав шаги Николь, обернулась. Девушка преступала с ноги на ногу, безвольно опустив руки. Не стоило спускаться на кухню, Лиза сразу заметит, что у нее глаза на мокром месте.

– Бог ты мой, дитя, – сказала кухарка. – Что с тобой стряслось? Кофе на плите, наливай.

Взяв чашку, Николь подошла к плите, но, когда попыталась налить кофе, затряслась рука. Кофе пролился. Услышав шипение, Лиза подошла к ней.

– Что же такое! Присядь, я принесу тебе кофе.

– Я ухожу. – Николь покачала головой. – Забегу в кафе.

– Нет, ты останешься здесь. Ты же белее мела! Твой отец не простит мне, если я отпущу тебя в таком состоянии.

Николь тоскливо посмотрела на Лизу. Больше всего на свете хотелось оказаться в теплых объятиях кухарки и рассказать все, что случилось, но девушка смолчала. Это слишком ужасно. Николь опустила взгляд, зная, что ей придется держать рот на замке: она никому не расскажет, что увидела в подвале.

Лиза намолочила зерен и заварила кофе заново, наполняя комнату ароматом. Когда все было готово, кухарка принесла две кружки и села рядом с Николь.

– А теперь рассказывай, почему у тебя такой вид? Слишком много шампанского? Все дело в этом?

Николь глотнула горячего кофе, не заботясь о том, что он обжигает ей горло, потом вытерла рот ладонью.

– Совсем не понимаю нынешних девушек. Вам нужно нормально питаться. Может, сделать самые вкусные на свете яйца пашот?

– Мне сейчас кусок в горло не полезет.

– Круассан?

Николь поднялась на ноги.

– Прости, мне пора...

Она замолчала, часто-часто заморгав. Еще немного, и расплачется.

– Мне пора идти, – сказала Николь, проскользнув мимо Лизы.

Девушка развернулась на каблуках и побежала прочь.

На улице ее шаг ускорился, она перешла на бег, и сердце забилось чаще. Голову сдавило, но она не остановилась. Пока Николь бежала, в голове не было мыслей о крови.

Дождь зарядил не на шутку, разгоняя собравшихся на рю-Поль-Берт. Николь опустила голову и пробежала мимо. Возле «Мезон Дюваль» на углу она увидела отца – он стоял на тротуаре под навесом. Отец помахал ей, но Николь сильнее склонила голову. Она не могла даже смотреть на него: отец шокировал ее во второй раз. Николь видела, как он целовал в пере-

улке ту темнокожую женщину с полуобнаженной грудью. Но случившееся вчера было хуже. Намного хуже.

Проходя мимо клуба по гребле «Серкль наутик», построенного у кромки воды, Николь остановилась, пытаясь перевести дух. Дождь прекратился, и на улице выступала бродячая труппа. Музыканты и актеры часто встречались на дорогах Ханоя и в его окрестностях. Ходили слухи, что занимались они не только искусством. Кто-то считал их осведомителями Вьетминя, однако Николь с удовольствием смотрела спектакли. Сегодня выдался подходящий момент, ничто не отвлекало. Перед мысленном взором то и дело прокручивалось все произошедшее. Потребовались считанные секунды, чтобы убить человека. Она вспомнила страх в глазах парня, когда он молил о пощаде, а еще ужасное осознание неизбежного. Всегда ли так перед лицом смерти? Беспомощность и неотвратимость?

Оказавшись во вьетнамском квартале, Николь запетляла по улочкам, обходя чайные лавки. Она замедлила шаг. Волосы ее промокли от пота и дождя. Николь ненароком врезалась в торговца сандалиями, который переходил с места на место, и опрокинула его корзину с товаром, вызвав поток гневной брани.

Наконец она остановилась, чтобы пропустить велорикшу.

Сильная боль сдавила голову Николь – в июле всегда стояла невыносимая жара. Но зачем туда пришла Сильвия? Почему отец хладнокровно застрелил того паренька? Николь старалась не думать о том, какой обманутой почувствовала себя, увидев, как Марк целует ее сестру. Он мог заполучить Сильвию, так с чего Николь решила, что между ними возникла симпатия? Разве не очевидно, что он выберет более умную и красивую из двух девушек?

Николь свернула на другую улицу и там увидела Иветту, выбегавшую из булочной с огромной корзиной глазированных булочек. Черная косичка качнулась из стороны в сторону, когда девочка помахала Николь, радуясь неожиданной встрече. Вопреки дурному настроению Николь улыбнулась этому солнечному ребенку. Отец Иветты не мог на нее нарадоваться. Ив был хорошим человеком. Николь помахала в ответ и зашагала к своему магазину.

* * *

В тот день дождь лил не переставая. Покупатели не шли, но домой Николь вернулась лишь к вечеру.

Когда в комнату вошла Сильвия, чтобы позвать ее на ужин, Николь не сразу отозвалась. Сестра нарядилась в серый шелковый костюм, белую шляпку с короткой черной вуалью, закрывавшей половину лица. Похоже, Сильвия тоже целый день работала. Николь не сомневалась, что они и словом не обмолвятся об убийстве. Умер человек, но словно бы ничего не произошло. Однако Сильвия тоже выглядела потрясенной там, в подвале. Николь следовало побольше разузнать о случившемся: почему отцу пришлось выстрелить и во что ввязалась Сильвия? Вот бы поговорить с сестрой по душам.

Николь затосковала по прежним дням, но немедленно взяла себя в руки.

– Я...

– Что?

Николь замолчала, и сестры уставились друг на друга.

– Я видела тебя.

Весь ужас той ночи тут же вернулся, но что-то заставило Николь держать рот на замке и не упомянуть убийство.

– Что?

Николь лихорадочно соображала. Не говорить об оружии! Не упоминать о крови!

– Почему ты позволила Марку поцеловать тебя? – вдруг спросила она.

Сильвия выглядела потрясенной.

– Я была в том коридоре. И видела вас с Марком.

Сильвия посмотрела себе под ноги, прежде чем перевести взгляд на сестру. Сохраняя жутковатое спокойствие, она натянуто улыбнулась Николь:

– Надеюсь, ты видела лишь это.

Николь не ответила.

Сильвия пристально смотрела на нее.

– Я видела лишь вас. Он был моим другом, Сильвия. Разве у тебя мало всего?

– Николь, мы знакомы с Марком не один день. Что тут еще сказать.

– Правда?

Сильвия указала на дверь:

– Я лишь зашла сказать, что ужин подан. Попросить, чтобы еду принесли сюда? А что до нас с Марком, пора бы тебе уже повзрослеть. Ты поэтому убежала с бала, никому ничего не сказав? Прости, если увиденное тебя огорчило.

– Ты знаешь, что огорчило, Сильвия, не строй из себя невинную овечку.

Сестра повернулась, чтобы уйти, а внутри Николь клокотала ярость. Девушка не выдержала, схватила книгу в мягкой обложке и кинула в Сильвию. Та пригнулась, и книга упала на пол.

Николь застыла, глядя на распахнутые страницы, которые трепетали от ветерка, дувшего из окна. На мгновение воцарилась тишина. Сильвия взглянула в зеркало, смахнула со лба завиток и сложила губы бантиком, нанося помаду.

– Мне кажется, это ты отговорила отца дать мне долю в бизнесе.

– Не начинай, – сказала Сильвия, даже не глядя на Николь. – Я тут ни при чем. Он сам решил, что во главе должна быть одна из нас.

– И это не по причине твоей безупречности?

– Отец поступил так из деловых соображений. А теперь вытри слезы. И кстати, мне понадобится восемь метров кремового с золотом шелка. Никакой спешки, но никогда не знаешь, когда он может пригодиться.

Сильвия ушла, а Николь плюхнулась на кровать, уткнулась носом в подушку и до крови впилась зубами в большой палец. Она всегда стремилась стать послушной французской дочерью. Разве мало того, что ее отстранили от семейного бизнеса? Теперь обида только усилилась. Сильвия и Марк стали свидетелями убийства. Кем это делало их самих? А ее? Как мог отец пристрелить человека, словно животное? На душе у Николь стало пусто. Кому она могла доверять, кроме Лизы?

Часть вторая

Отражение луны

Конец июля – октябрь 1952 года

Глава 12

В последующие дни Николь избегала и сестру, и отца и виделась с ними лишь мельком. Она понятия не имела, как те оказались в винном погребе. Хотелось расспросить их обо всем и добиться правдивого ответа об убийстве, но инстинкт самосохранения заставлял молчать. Постепенно Николь научилась прятать воспоминания поглубже. Пребывая в унынии, она размышляла о том, чему не место в хранилищах памяти. Можно ли избавиться от преследующих образов? Или они будут лежать на дне, пока не начнут смердеть? А что, если она не сможет себя контролировать? Николь прикрыла рот ладонью, словно боялась, что правда ускользнет от нее, но в сновидениях память то и дело взывала к ней.

Родных удивляло ее поведение. Как-то утром Сильвия даже заглянула к ней в спальню. Сестра собиралась на работу и хмуро посмотрела на Николь.

– Я бы хотела с тобой поговорить, – сказала Сильвия, прислоняясь к двери.

Николь уловила в ее голосе новые нотки – может, это угрызения совести? Девушка отвернулась к окну, не в силах посмотреть сестре в глаза. И что Сильвия забыла у нее в комнате?! Николь наблюдала, как вверх по стволу дерева бежит ящерица. Ничего другого ей не оставалось, ведь она казалась себе загнанной в угол.

– Я хотела пролить свет на тот разговор, который ты подслушала.

Николь резко повернулась к сестре.

– Лучше, чтобы ты услышала все от меня.

Девушка уставилась на Сильвию. Та замешкалась, словно взвешивала слова.

– Послушай, американцы спонсируют оппозиционную вьетнамскую партию, антикоммунистическую, чтобы одолеть Вьетминь. На кону жизнь людей, поэтому все нужно хранить в тайне. Могу ли я довериться тебе?

– Почему американцы просто не могут поддержать французов?

– Мне кажется, они считают, что мы уже отошли на второй план.

– А ты так не думаешь?

– Конечно нет. – Сильвия выпрямила спину. – Но оппозиция Вьетминю только сделает нас сильнее.

– Папа тоже в этом участвует?

– Я об этом и хотела сказать. Он участвует. Но правительство не должно пока знать о новой партии и ее армии. Это подорвет его положение, если не хуже.

Николь сощурилась:

– Значит, Марк не торговец шелком? Ты, Марк, папа. Все замешаны в этом деле?

– Во благо Франции. Ты же знаешь, что больше всего заботит папу.

Николь покачала головой.

* * *

Решив с головой окунуться в работу, Николь направилась напрямиком в магазин. К концу дня ее глаза горели, а мышцы ломило от усталости, ведь она переносила с места на место тяже-

лые рулоны шелка. Правда, чувствовала себя уже лучше. На следующий день Николь перекрасила магазин в роскошный бирюзовый оттенок, нежный, словно скорлупа утиного яйца.

За последующие дни она набрала цветков лотоса для витрины и привела в порядок верхнее помещение, приспособив его для жизни, отполировала мебель пчелиным воском, надраила кафельный пол ароматным лимонным мылом. Часами она сшивала лоскуты шелка вместе, чтобы сделать сияющие занавески, подушки и покрывало в тон. Николь научилась создавать абажуры с кисточками и придумала, как сделать из шелка красивых птичек с перышками, которых она повесила в прихожей. После этого она взялась шить шали и шарфы на продажу.

Магазин наводнили молодые вьетнамки, желавшие приобрести такие аксессуары, и магазин шелка превратился в центр ее жизни. Там она чувствовала себя в безопасности и собиралась сделать карьеру.

Однажды вечером она случайно встретила на улице У Лан. Мысли Николь тут же замесались. Что же сказать подруге? Как смолчать о смерти ее двоюродного брата?

– Привет, – сказала У Лан. – Прости, в последнее время я тебя не навещала, была занята мамой.

Николь переступила с ноги на ногу, стараясь унять волнение.

– Ничего страшного. Я... я тоже была занята.

– Хочешь, можем спеть? Мама сейчас спит, и у меня есть немного свободного времени.

– Даже не знаю, – замешкалась Николь. – Я очень устала.

– Давай. Это тебя немного растормошит. Мне всегда помогает в конце дня.

Николь уступила, и они вдвоем поднялись наверх.

– Комната очень красивая. – У Лан окинула взглядом помещение, отмечая, как оно изменилось. – У тебя талант.

Они запели, но У Лан выглядела ужасно подавленной, и сердце Николь сдавило от угрызений совести. Обе девушки пребывали в удрученном состоянии и вскоре сделали передышку. Николь открыла бутылку имбирного пива и передала У Лан.

– Присядем на диван, – сказала она как можно более расслабленно.

У Лан притихла. Она молча смотрела на бутылку в руках. Боже, подумала Николь, сейчас она скажет мне, что ее кузен Чан мертв. Во рту появился неприятный привкус. Неужели у лжи действительно есть вкус? Николь пыталась придумать, с чего начать разговор.

– Как твоя мать?

– Хуже.

Значит, вот в чем дело. Николь испытала облегчение, пусть это было не слишком благородно.

– Ее осматривал врач?

– Он ничем особо не помог.

Николь протянула подруге руку:

– Если я могу хоть что-то сделать...

Она подумала о своей роли в мюзикле «Ле Варьете» и порадовалась, что репетиции занимают все мысли по вечерам, хотя в поздние часы сильнее проявляется ощущение того, что она *métisse*. Предыдущим вечером Николь надела платье спортивного кроя ярко-розового цвета, со свободной юбкой чуть ниже середины икр, перехваченное черным кожаным поясом. В нем она чувствовала себя шикарно, но наряд словно подчеркивал растущий внутри Николь конфликт. Днем она посвящала свое время вьетнамской стороне жизни, все больше отдаляясь от французских корней. Это пугало Николь. Что останется у нее без семьи? Ей хотелось обсудить все с У Лан, но придется умолчать об убийстве, из-за которого все и началось.

– Ты стала лучше петь, – похвалила ее У Лан.

Подруга говорила правду. Много практикуясь, Николь обрела контроль над голосом, и это придало ей сил. Джерри с широкой улыбкой сообщил ей, что она произведет на публику неизгладимое впечатление.

– Давай попробуем еще? – сказала Николь.

У Лан встала и искренне улыбнулась ей.

Все не так уж и плохо, размышляла Николь. Если думать о хорошем, то, может, и померкнут те ужасные картины, свидетелем которых она стала в ночь убийства. Николь погрузилась в размышления. Что до Марка, придется смириться с тем, что она узнала о нем.

* * *

День тек неторопливо, и Николь решила перебрать товар в магазине, разложив ткани по цветам, от прохладных синих и зеленых тонов и до оранжевых, красных и пурпурных. Цвета много значили для нее. Синий и сиреневый – дни, проведенные в Хюэ. Красный – символ ее гнева, а желтый – тепло летнего сада. Ей нравилось находиться среди шелка, закутываться в ткань и воображать себя наложницей императора. В те времена, должно быть, жилось куда проще. Николь водила ладонями по шелку, и прикосновения к нему успокаивали ее.

Она подумывала посетить деревню, где люди ткали шелк целыми семьями. По большей части дом Дюваль доставлял товар из пригорода Хюэ, но не помешало бы найти местного поставщика. Николь знала все о шелке, как, к примеру, зависит качество от толщины нити, какую роль играло плетение – столь плотное, что и не заметить, или грубое и дешевое для повседневных тканей.

Размышления Николь прервал чей-то голос:

– Значит, ты все еще здесь?

Николь резко обернулась, кровь отхлынула от ее лица, и она уставилась на знакомую щербинку между зубами. Перед ней стоял тот молодой вьетнамец, кузен У Лан, Чан, которого убили в подвале отеля.

– Не может быть... Я думала, что ты...

– Мертв? Ты думала, я мертв?

– Я... В смысле, я... – Николь еле успевала сглатывать слюну, потрясение накрыло ее волной.

– Значит, ты в курсе про убийство?

– Я ничего не знаю. – Она потеряла затылок.

Она не собиралась отвечать ему с вызовом, о чем пожалела сразу же, стоило парню подойти на пару шагов ближе. Николь обогнула стол, прячась за ним и соображая, что сказать. Чан подошел к ней вплотную и положил руки девушке на плечи. Он был немного выше ее ростом и смотрел прямо в глаза. Николь не оставалось ничего другого, как ответить на этот взгляд, хотя он проникал в самую душу. Сможет ли она совладать с собой и ничего не выдать?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.